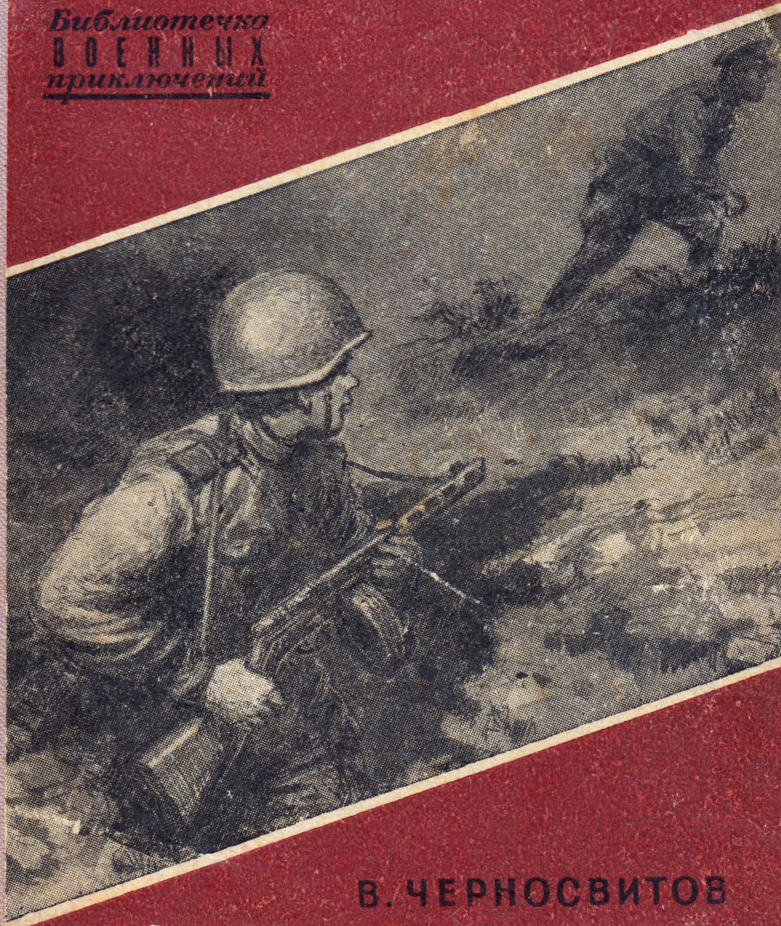

*Библиотечка
ВОЕННЫХ
приключений*

В. ЧЕРНОСВИТОВ

"Мелкое" дело

БИБЛИОТЕЧКА ВОЕННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

В. ЧЕРНОСВИТОВ

„МЕЛКОЕ“ ДЕЛО

РАССКАЗЫ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1958

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
«Мелкое» дело	3
Под сенью креста унии	46
Священный союз	85
В мирные дни	127

Редактор *Митичкина А. П.*

Художественный редактор *Гречихо Г. В.*

Художник *Пинкисевич П. Н.*

Технический редактор *Сорокин В. В.* Корректор *Карташёва А. А.*

Г-44515

Подписано к печати с матриц 10.2.58 г.

Формат бумаги 70×92¹/₃₂ 5¹/₄ п.л.=6,14 усл. печ. л. 5,887 уч.-изд. л.

Военное Издательство Министерства обороны Союза ССР

Москва, Тверской бульвар, 18

Изд. № 1/665

Зак. № 1440

2-я типография имени К. Е. Ворошилова Управления
Военного Издательства Министерства обороны Союза ССР
Ленинград — Центр-1, Дворцовая пл., 10

Цена 2 р. 35 к.

«МЕЛКОЕ» ДЕЛО

В этот день дул холодный, пронизывающий ветер. Особенно свирепствовал он в Мурманском порту.

Капитан «Короля Георга» мистер Чепл, ссылаясь на непогоду, не торопился с разгрузкой своего корабля.

Вопрос решили советские докеры. Капитан порта и военная администрация вежливо заявили Чеплу, что готовы разгрузить его лайнер и без участия судовой команды. Вынужденный уступить, Чепл сидел в своей комфортабельной каюте и прислушивался к грохоту лебёдки, злясь на своих матросов, которые самовольно стали помогать советским рабочим.

Мощный портовый кран поднял на воздух многотонное боевое несовершенство. Описав в воздухе дугу, «черчилль» коснулся провисшими гусеницами земли, неуклюже осел и качнулся, как бы кланяясь советским военпредам.

Вскоре пирсы были уставлены танками и ящиками с пёстрыми этикетками. Группы советских людей — офицеров, рабочих и служащих порта — в мокрых и обмёрзших шинелях, робах и пальто долго и молча присматривались к «черчиллям» и «матильдам».

— М-да, ничего себе машинки... — неопределённо высказался один.

— Дерьмо! — кратко и выразительно заключил молодой офицер танкист с обожжённым лицом.

...Молодо выглядевший человек неопределённого возраста, с добродушным, ничем не примечательным лицом, вышел из спальни в капитанский салон.

— Хэлло, старик! — развязно обратился он к Чеплу. — Мне пора. Я покидаю вашу посудину и разрешаю вам выразить ваше глубочайшее сожаление по поводу того, что на обратном пути вы будете лишены общества единственно приятного человека на борту — меня. Ну, ну, сдержите рыдания: я, может быть, ещё вернусь.

— Катитесь-ка вы ко всем чертям! Желаю успеха, — буркнул в ответ Чепл.

— Я не сержусь, ибо понимаю, что суровый рыцарь морей скрывает боль разлуки за нарочитой грубоватостью. В общем так, — голос вошедшего стал резок: — в следующий приход приглядывайтесь к пьяным. Вдрызг пропившийся боцман пристанет к вам с просьбой купить у него кашне. Купите — в нём будут микроплёнки. Кашне с синими кистями. «Тридцать рублей советскими» — пароль. Ваш отзыв: «Не надо. Возьми десятку и не лезь». Кашне он оставит. Ясно?

Вошедший покопался у вешалки, выбрал парусиновый реглан на меху и, надев его, стал похож на советского работника порта: в те дни многие пользовались такими регланами.

Проверив содержимое своих карманов, он

подошёл к столу и налил два стаканчика виски:

— Гуд бай, Чепл!

— Гуд бай, Коллинг.

Шагнув через комингс капитанской каюты, Коллинг миновал коридор и вышел на спардек. Запахнув полы и задёрнув «молнии» реглана, он спустился на палубу, смешался с матросами и сошёл на берег.

Потом он долго колесил по городу, реализовал в сберкассе аккредитив, гулял, держась подальше от охраняемых объектов. Он ловко заговаривал с гражданскими и военными. Однако занятые своими заботами люди были замкнуты и насторожены. Наконец попался один офицер, который явно не знал, куда себя девать, и был непрочь поболтать на досуге. Они незаметно разговорились.

— Александров, — представился неизвестный, — инженер. Только сегодня приехал из Ленинграда.

Одно слово «Ленинград» сразу же заставило офицера посмотреть на незнакомца с уважением.

«Александров» немедленно заключил, что офицер для него — сушая находка. Поздний вечер застал новоиспечённых друзей в маленьком, незаметном буфете. Захмелевший офицер горько сетовал на свою судьбу:

— ...Понимаешь, окончил училище. Товарищей направили в разные части, но всё же группами. А меня — одного. Предписание, личное дело подмышку — и сюда, в Н-скую... Почти доехал — бах! — попадаем под бомбёжку. И вместо своей части угодил в госпиталь.

Лежу месяц, два, три... Потом возвращают мне все мои направления и — шагом марш! Вчера приехал, ну, думаю, наконец-то! Так на ж тебе — опять нет! Пока лежал, часть мою перебросили совсем в другое место. Прошусь куда-нибудь — нет: «Отправляйтесь, — говорят, — в свою». Хороша своя, я её и в глаза никогда не видел. Ну, сегодня хоть, правда, комендант всё оформил и все отметки сделал, — всё! Вот дождусь ночи, на поезд и...

Ночь была необычной. Даже необычайной: фашисты отважились на ночную атаку, что они делали чрезвычайно редко. Сержант Костылёв ещё не помнил такого за всю свою фронтовую жизнь.

Однако попытка эта дорого обошлась гитлеровцам: советские солдаты без выстрела подпустили их к своим окопам, а затем в упор расстреляли уничтожающим огнём.

Находясь в секрете, Костылёв зорко следил за всем происходящим вокруг. Мимо сержанта побежали в контратаку бойцы второй роты. Чуть левее послышалась лихая команда: «Вперёд, ребятушки! За мной, инженеры!» «Вавилов!» — догадался Костылёв: третий взвод составляли добровольцы-вузовцы, и помкомвзвода Вавилов, бывший колхозный бригадир, очень гордился этим обстоятельством, величая своих подчинённых инженерами.

Из темноты вынырнула фигура командира третьего взвода, вступившего в эту должность совсем недавно. Лейтенант бежал неуверенно, шараясь то влево, то вправо.

«С непривычки от взвода отбился, впервой ведь...» — участливо подумал Костылёв. Он видел, что лейтенант не трусил, а именно отбился и с непривычки не мог сразу ориентироваться.

Сержант хотел было окликнуть офицера, но вдруг заметил силуэт второго человека. Дальше всё произошло в течение нескольких секунд: в темноте тускло мелькнула вспышка, прозвучал выстрел, и фигура новичка-лейтенанта как бы втянулась в чёрную густоту ночи.

Сержант выскочил из укрытия и кинулся на врага, торопливо убежавшего к низине. Над позициями противника стали вспыхивать ракеты. Всё вокруг то озарялось бледным мертвенным светом, то погружалось в ещё более плотную тьму. Простить убийцу автоматной очередью ничего не стоило, но не этого хотел Костылёв. Сержант несколькими скачками настиг убийцу и внезапно ударил его автоматом в спину. От неожиданности человек неуклюже взмахнул руками и, выронив пистолет, упал. Не удержался на ногах и сержант.

Очередная ракета холодно и равнодушно осветила сцепившихся в борьбе врагов, и Костылёв в изумлении убедился, что держит за горло... офицера своей же части! Воспользовавшись замешательством Костылёва, тот ударил сержанта и быстро потянулся за пистолетом. Но Костылёв опередил предателя и сам схватил его маузер.

Позади слышались близкие голоса. «Офицер» бросился прочь.

«Живьём... только живьём!..» — напомнил себе сержант и, сунув пистолет за ремень, устремился за предателем. Мгновенное зарево

охватило всё небо и землю, что-то стиснуло страшной силой грудь сержанта и швырнуло его в тёплые, чёрные волны. Он уже не слышал, как кто-то, нагнувшись над ним,скомандовал: «Несите, и сразу — в машину».

Ни стола, ни лампы, освещающей допрашиваемого, ни вечернего городского шума за окном, ни даже самого кабинета — ничего этого, когда-то привычного, сейчас не было; землянка, вырытая в железнодорожной насыпи, вместо стола — ящик из-под боеприпасов, вместо стульев — обычные земляные диванчики, застланные плащ-палатками. По ту сторону такой же плащ-палатки, заменявшей дверь, слышны покашливание и шаги автоматчика.

За импровизированным столом сидит военный следователь капитан Сидоренко и смотрит на молодого мужчину в гимнастёрке без погон: поникшая, бессильная фигура, открытое симпатичное лицо, тусклые, полные внутренней боли и стыда глаза.

— Фамилия?

— Петров, товарищ капитан.

— Имя и отчество?

— Леонид Иванович.

— Звание?

— Лейтенант.

— Я следователь. Прощу сесть. Вон там ящик снарядный. Рассказывайте: что и как у вас произошло.

Подследственный сел, взялся обеими руками за голову и, облокотившись на колени,

застыл в такой позе на какую-то долю минуты. Потом встряхнул головой, выпрямился и, вздохнув, начал:

— Это было, товарищ капитан, вчера...

— Гражданин капитан, — поправил его Сидоренко.

Подследственный вздрогнул и взглянул на офицера с выражением почти физической боли. Сидоренко мягко, но почти бесстрастно произнёс:

— Итак...

Подследственный снова опустил голову и тихо заговорил:

— Это было вчера. Рота, которой я командовал, была оставлена в резерве. Весь день мне вроде нездоровилось и я ничего не ел. Поздно вечером перед самым боем, меня вызвал комбат. Я оставил за себя командира первого взвода и пошёл. Некоторое время пробыл на КП комбата. Потом получил приказ: конец нашей контратаки поддержать свежими силами своей роты. Возвращался с КП. Уже бой шёл...

Петров говорил медленно, как бы нехотя, но было видно, что он, сдерживая волнение, просто подбирает каждое слово. Сидоренко слушал, не перебивая, изредка делал на листе бумаги какие-то ему одному понятные пометки.

— ...По дороге, — продолжал Петров, — почувствовал озноб. Но ничего. Пришёл в роту, приказал командиру первого взвода проверить готовность и в случае сигнала — вести в бой... Объяснил задачу. А я, — говорю, — только схожу к своей землянке и сразу обратно. В случае чего — догоню вас. Прибежал к себе,

быстро надел свитер под шинель и — чёрт дёрнул — выпил водки, как посоветовали...

Тут Петров опять помолчал и вздохнул:

— Отсюда всё и началось. Видно, опьянел я сильно, на голодный желудок... Всё, как в тумане... Помню, что вышел и сразу направился к роте... потом бежал куда-то, был уверен, что — за своими... Затем не помню... В себя пришёл уже здесь. Вот и всё. Тут и узнал, что был задержан, как... дезертир, — с трудом произнёс он это слово.

— Сколько же вы выпили?

— Не знаю. стакан, наверно. Или чуть больше. Не знаю.

— Кто вам это посоветовал?

— Не всё ли равно?.. Замкомбат... Только, — заторопился Петров, — замкомбат не при чём. Совершенно не при чём...

— Об этом я вас не спрашиваю. Он советовал вам выпить. Когда выпить?

— Вот я и хотел сказать, что он просто вскользь заметил, что при простуде хорошо выпить водки — и всё.

— Вы говорите, что вам нездоровилось весь день. Обращались вы к врачу?

— Нет.

— Почему?

— Да потому, что не настолько уж мне было плохо...

«Как будто честен», — подумал Сидоренко.

Допрос шёл к концу. Петров не старался вызвать к себе сочувствие. Напротив: о своём преступлении говорил просто, скромно, без всяких отступлений, оставляя в стороне свои душевные переживания. Он, видно, уже сам осу-

дил себя и теперь не пытался смягчить свою вину. И, пожалуй, именно этим-то он и располагал к себе.

Дело было закончено на следующий день. Совершенно ясное, оно нуждалось, собственно, лишь в юридическом оформлении. Это было серьёзное по составу преступления, но малоинтересное с точки зрения следовательской практики, типичное, как говорят, мелкое дело.

В деревне, где располагался штаб, Сидоренко, проверяя по обыкновению себя, перелистывал подшитые документы. Работая, он всегда отгонял прочь все симпатии, антипатии, а также другие субъективные впечатления и чувства: они только мешали и могли ввести в заблуждение.

Но, закончив дело, Сидоренко любил заново покопаться в душах своих подследственных, позволяя себе, простому советскому человеку, как бы сидящему в зале суда, всей душой ненавидеть или симпатизировать.

Итак, было собрано всё, освещающее Петрова и с хорошей и с плохой стороны. Показания свидетелей, самого Петрова, характеристики, отзывы, медсвидетельство госпиталя, справки о наградах, взысканиях, поощрениях, анкетно-биографические данные — всё это находилось в деле. И его можно было со спокойной совестью считать законченным.

Захлопнув папку, Сидоренко резко бросил её на свежeweыскобленный хозяйкой стол и откинулся на спинку стула:

— М-да... ужасно глупый случай! — с досадой проговорил он.

В сенях скрипнула дверь. Сидоренко встал, одёрнув гимнастёрку:

— Здравия желаю, товарищ полковник!

Полковник Гаркуша подошёл к столу и тяжело сел напротив следователя.

— Здравствуй, Николай Иванович, — спокойно, даже спокойнее обычного, ответил он.

Следователь взглянул на ссутулившуюся как бы под огромной тяжестью грузную фигуру полковника, на его обвисшие по-казацки седые усы и резкие морщины около глаз.

«Видно, сильно устал, бедняга. Ведь ему уже под шестьдесят», — подумал Сидоренко.

— Да ты садись. Я ведь так просто, на огонёк забрёл. Не помешал?

— Что вы, товарищ полковник! — обрадовался Сидоренко и тут же смутился, заметив, что окно плохо замаскировано.

«Вот бисова жинка!» — ругнул он про себя хозяйку и подоткнул занавеску.

Полковник обращался к капитану на «ты», по имени-отчеству, и это означало, что он разрешает Сидоренко держаться не строго официально.

Начальник политотдела навещал Сидоренко вообще очень редко, а в столь поздний час не приходил ни разу.

«Не случилось ли чего?»

Однако Гаркуша молча положил на стол коробку «Казбека», и от воинственного силуэта всадника, как обычно, повеяло мирным довоенным уютом.

Сидоренко прогнал тревожную мысль и сел.

Прикуривая от настоящей, чудом сохранившейся у хозяйки «трёхлинейки» со стеклом,

полковник покосился на вскрытый голубой конверт, что лежал на столе следователя:

— Из дома?

— Да, товарищ полковник, на днях получил.

— Как там? Плохо живут?

— Кто знает. Письмо бодрое, а чувствуется — трудновато им.

— Это хорошо. Не то хорошо, что трудновато, а то, что бодрость есть. Вот когда из души твёрдость да бодрость уходят, — это уже плохо. Нельзя распускать себя, нельзя! — Гаркуша говорил медленно, устало, а последние слова произнёс жёстко, тоном приказа. — Ответил им? — уже опять тихо спросил он.

— Не совсем, наполовину. Всё окончить не могу, дела не дают, а наспех не люблю...

— Нехорошо, Николай Иванович. Не ожидал: культурный человек, семьянин, и такое невнимание к своим... Так что у тебя, почему не в настроении? — вдруг спросил полковник.

Сидоренко хотел сказать «нет, ничего», но вместо этого с досадой кивнул на папку:

— Да вот из-за неё. Закончил дело лейтенанта Петрова.

— Это который? Командир второй роты у Гусарова?

— Тот самый, — подтвердил Сидоренко, удивлённый памятью полковника на людей.

Гаркуша снова потянулся за папиросой и, полузакрыв глаза, стал разминать её толстыми култышками обрубленных ещё деникинцем пальцев.

— Петров, Петров... Расскажи-ка, Николай Иванович, вкратце. Я что-то не в курсе. Если

не секрет, — улыбнулся Гаркуша одними губами. — Не очень люблю такие рассказы, но знать надо.

— Да особенно и нечего рассказывать, товарищ полковник. Мелкое дело. Очень глупый случай. Даже досадно. Лейтенант Петров, — вот его фотография из личного дела, — ещё молодой офицер. Родился в 1918 году в Староукраинске, мальчишкой нанялся в топографическую партию держать рейку. От топографов перекочевал к геологам, от тех ещё дальше, уехал на север — и пошло. Домой наезжал изредка, обычно зимой. Отслужил срочную службу, в армию пошёл добровольцем, попал в училище, из училища — на фронт. Был ранен. У нас он, да и вообще на фронте, сравнительно недавно. Командовал взводом. Был замкомроты, затем после Олышанки — помните? — ему дали роту. Воевал неплохо, человек грамотный, умный. Отзывы о нём положительные. И начальников, и подчиненных, и товарищей...

— А с кем он дружил? — вдруг перебил полковник.

— Да близко, собственно, ни с кем. Немножко — с командиром взвода Логиновым, немножко с офицерами штаба, — и, перехватив взгляд полковника, Сидоренко опередил его вопрос: — Я уже об этом подумал. Нет, дружба носила здоровый характер, так как никаких целей личного благополучия он не преследовал. В быту Петров скромный, весёлый и приветливый человек. В общем — воевать бы ему да воевать, так нет же... Вчера ночью он вернулся в подразделение от комбата, передал командование ротой командиру первого взвода,

разъяснил боевой приказ, обстановку, а сам, вместо того, чтобы сразу идти с ротой в бой, задержался, выпил и с пьяных глаз убежал в тыл — дезориентировался.

— А может, просто «дезертировался»?

— Не похоже, товарищ полковник. Во-первых, Петров — человек смекалистый и умный, он мог бы сделать это гораздо тоньше. Во-вторых, нарвавшись на солдат второго эшелона, он принял их за гитлеровцев и, командуя воображаемой ротой, решил открыть баталию. Видя, что никто его команды не выполняет, изругал всех предателями, изменниками и с криком «русские погибают, но не сдаются!» бросился один вперёд. Чуть спьяна не перестрелял наших же солдат... Картина, конечно, не лишена комизма, но психологически нельзя не принять этот факт во внимание.

— Пожалуй. Недаром говорят: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке», — согласился Гаркуша.

— Ну вот, собственно, и всё. Но факт остаётся фактом, и дело может кончиться для него плохо. Как посмотрят. А ведь, по правде говоря, жаль его... Когда о деле думаешь — не жаль, а когда просто о нём — жалко как-то. А вам?

Полковник, казалось, не слышал вопроса. Склонясь, он время от времени раскрывал сжатые в кулак пальцы правой, здоровой, руки и смотрел на маленький тёмный предмет, лежащий на ладони. Острым глазом Сидоренко разглядел: это была извлеченная откуда-то деформированная после выстрела пуля небольшого калибра для пистолета иностранной

марки. Привыкший не задавать вопросов старшим начальникам, следовательно выжидательно молчал.

Гаркуша вздохнул и вдруг поднялся.

— Абстрактной жалости нет и быть не может,— строго и громко сказал он и, заметив взгляд Сидоренко, сжал пальцы и бережно спрятал кусочек металла в левый карман кителя. — Отдыхайте, капитан. Спокойной ночи.

Полковник тяжело вышел из дома в темноту ночи.

«Что бы это значило?» — тревожно подумал Сидоренко.

За внешне спокойным видом полковника он всё время чувствовал какую-то его тяжёлую внутреннюю напряжённость.

На столе запел зуммер телефона. Сидоренко взял трубку. Узнав голос генерала, он тут же весь подтянулся и даже поправил ремень. Лично к нему генерал ещё ни разу не звонил.

— Это я — семнадцатый. Игнат Васильевич у вас?

— Так точно, товарищ семнадцатый. Только что был зд...

— Ну, наконец-то нашёлся,— как-то уж очень тепло, по-житейски, прозвучал голос генерала.— Он, наверное, сейчас сидит и о делах рассуждает? Так вы не очень-то... о делах... И проводите его обязательно, — голос генерала дрогнул и стал сердитым и строгим: — Его сын, не приходя в сознание, умер при нём на операционном столе...

Захлопнув за собою дверь, Сидоренко окунулся в ночь, как в банку с тушью.

«Какой человек, какая воля! Так вот оно к

чему: «Нельзя распускать себя, нельзя». А я-то, болван, лез к нему с этим Петровым...» — думал капитан на ходу. Глаза привыкли к темноте. Пройдя ещё немного, Сидоренко остановился: уткнув лицо в сгиб локтя, прислонясь к дереву, стоял старый большевик. Прошло несколько секунд. Полковник со стоном скрипнул зубами и, резко выпрямившись, пошёл дальше. Не нарушая его одиночества, Сидоренко последовал за ним.

— Стой! Кто идёт? — послышался оклик солдата комендантского подразделения.

— Свой, — продолжая идти, ответил полковник.

— Стой, стрелять буду! Пропуск? — властно командовал часовой.

Полковник остановился и негромко сказал:

— Чека.

— Чита, — ещё тише отозвался солдат и мигнул фонариком: — Товарищ полковник! — смутился он. — Извините, не узнал в потёмках.

— Чего ж извиняться, молодцом. Хорошо несёте службу... А вы что позади топчетесь, товарищ капитан? — неожиданно повернулся он к следователю, также обнаруженному лучом фонарика.

— Я, товарищ полковник, так, пройтись перед сном...

— Неубедительно. Отправляйтесь спать. И... — в темноте прозвучали простые, совсем некомандирские слова — ...и спасибо, Николай Иванович. К сожалению, в моей семье почему-то и шальные, и нацеленные пули щадят именно меня, старика. Идите...

Если бы Сидоренко знал, что после первого,

убитого ещё на гражданской войне, Гаркуша сегодня потерял третьего и последнего сына, он бы, пожалуй, не удержался и по-сыновьи обнял этого пожилого и мудрого крестьянина в полковничьих погонах.

Утром следователь имел заключительную беседу с дезертиром. Говорить, собственно, было уже не о чем: Петрову оставалось подписать протокол следствия и познакомиться с делом.

Когда эта несложная процедура была закончена и Петрова увели, на подоконнике, у стола Сидоренко, запищал телефон. Следователь взял трубку и услышал всегда недовольно-брюзжащий голос майора Окунева — «параграфа», как его в шутку прозвали офицеры за канцелярскую педантичность и сухость. Сейчас Окунев замещал отлучившегося по делам начальника Сидоренко — полковника Серебрякова.

— Товарищ Сидоренко, вы закончили работу по приказу № 094/09?

Сидоренко покосился на лежавшее перед ним дело.

— Да. Почти. Через час доложу вам.

— Давайте кончайте. Я жду в десять ноль-ноль. Только подшейте поаккуратней и не забудьте вложить реестр вещей согласно инструкции...

— Слушаюсь. — Сидоренко положил трубку и вернулся к делу.

Однако к десяти ноль-ноль следователь к Окуневу не явился. Уже приготовившийся было идти и в последний раз просматривавший

вещи арестованного, Сидоренко нашёл за подкладкой потрёпанной полевой сумки Петрова тоненькую золотую пластинку. Некогда вытравленная на пластинке надпись стёрлась, и явственно выделялась лишь дата: «1.III.36».

Стоимость этой безделушки была столь ничтожна, что мысль о хранении её как ценности, а тем более — о краже, отпадала сама собой. Повертев пластинку в руках, Сидоренко заметил на её обратной стороне следы крепёжных штифтиков. «Откуда-то содрана... Зачем он её так тщательно хранил?..» — подумал капитан, по опыту следователя хорошо зная, что «просто так» ничего не бывает.

— Зинченко! — позвал он солдата. — Приведите арестованного.

В ответ на несколько удивлённый взгляд вошедшего Петрова Сидоренко раскрыл его дело и вынул продолговатый листок:

— Вы не расписались на втором экземпляре реестра ваших вещей. Проверьте и распишитесь.

Петров чуть усмехнулся, пожал плечами и, не глядя, черкнул пером. Положив ручку на стол, он выпрямился и опять молча, спокойно взглянул на следователя.

— Всё. Можете идти. Зинченко, уведите арестованного... Да, кстати: что это такое? — бросив на стол пластинку, спросил Сидоренко у подследственного.

Петров не проявил ни малейшей растерянности. Простодушно улыбнувшись, он даже обрадовался:

— Нашлась? А я и забыл про неё, думал,

что потерял, — но тут же нахмурился и закончил: — А впрочем — всё равно.

— Откуда, при каких обстоятельствах попала к вам эта пластинка и для чего вы её хранили?

Оттянув пальцем верхнюю губу, Петров обнажил зубы.

— Коронки протёрлись. Видите? Вот и таскал с собой эту штукину, всё собирался сделать новые, да негде было. Сейчас сообразил: я же сам и засунул её за подкладку сумки, чтобы не потерять, да и забыл... не до неё было. — Петров смутился: — Только вы не посчитайте меня ещё мародёром. Когда близ Зеленска мы накрыли немецкий штаб, я в грязи нашёл портфель с документами. На нём была эта табличка. Портфель я сдал со всеми бумагами в наш штаб, а пластинку взял себе. Объяснил — для чего, и штабисты сказали: «Пожалуйста, забирай, подумаешь, большое дело».

Объяснение казалось убедительным своей бесхитростной житейской правдивостью и даже косвенно подтверждалось следами крепёжных штифтиков. Но...

Отослав арестованного, Сидоренко проверил его слова, и офицеры штаба подтвердили: действительно, случай такой был.

...Упрекая Сидоренко за опоздание, Окунев тщательно проверил соблюдение всех юридических норм, расписался, где следовало, и тут же приказал писарю направить дело по инстанции.

Там, где решалась судьба Петрова, сидели люди, умудренные большим опытом, люди, об-

ладающие большевистской строгостью и сердечностью. Они учили всё: и то, что Петров при той ситуации не должен был передавать командование ротой своему заместителю; и то, как он был задержан, и какие боевые качества были присущи ему вообще. Кроме того, Петров приложил к следствию большое покаянное письмо, в котором полностью признавал свою вину и просил дать ему возможность загладить её и искупить в бою. Но тем не менее его безобразный поступок не мог остаться безнаказанным: Петрова лишили высокой чести носить офицерское звание и оставили в полку рядовым.

Прошёл день, второй — законченное дело никак не выходило из головы Сидоренко. И не было ничего похожего на то чувство удовлетворения, которое непременно приходило к нему раньше после окончания любого, пусть даже самого незначительного расследования. Следователь думал и не понимал, что именно возвращает его к мысли о деле Петрова.

Советские криминалисты категорически отрицают предчувствия, и следователи тщательно стараются не давать им «права голоса». Но вот же бывает такое: привяжется какое-то беспокойное, смутное, непонятное чувство и никак от него не отделаешься. Подчас это оказывается просто скрытой, подсознательной работой мозга.

Так было и у Сидоренко. Ночью он проснулся от настойчивого требования мозга закрепить в памяти один вопрос. Сосредоточившись на этом вопросе, следователь уже не мог заснуть. Он поднялся, набросил на плечи шинель и сел у открытого окна.

У самой хаты тихо перешёптывались невидимые в темноте тополя. В ночной прохладе откуда-то тянуло то горьковато-резким запахом остывшего пожарища, то медовым ароматом лугов. Издалека явственно доносился рёв танковых дизелей. Пронзительно закричал и тут же умолк, видимо, застеснявшись своего одиночества, чудом уцелевший при оккупантах петух.

Сидоренко поднял взгляд: светло. Трава, яблони, закамуфлированные кузова машин, сапоги и даже автомат прохаживающегося часового — всё было покрыто мелкими каплями росы. Зарозовели крыши, и окно противоположной хаты вдруг вспыхнуло багровым пожарным отблеском восхода — прифронтное село встречало третий день своего освобождения.

Следователь закурил и, поднявшись, зашагал по хате. Сомнений не оставалось: да, он, ценимый начальством следователь, совершил ошибку! Он прозевал «мелочь», не придал ей значения и принял за истину лишь объяснение подследственного, чего не имел права делать.

«Как же теперь быть? Следствие закончено, сдано, наверное, уже лежит в архиве, и... если умолчать самому, то никто...» — Сидоренко передёрнулся, будто прикоснувшись к чему-то, бесконечно гадливому и мерзкому. Быстро надев сапоги и гимнастёрку, он выбежал из дома.

По мере того как он приближался к хате, занятой майором Окуневым, шаги следователя делались всё короче и медленнее. У самого входа он остановился и вдруг решительно

пошёл прочь. Торопливо взбежав на крыльцо большого полуразрушенного дома, Сидоренко узнал от автоматчика, что полковник Гаркуша ещё затемно уехал на передовую вручать ордена награждённым. Сойдя со ступенек, Сидоренко долго стоял в нерешительности, пока случайно не заметил вдали сутуловатую фигуру полковника Серебрякова.

«Вернулся!» — обрадовался Сидоренко и поспешил за начальником.

— Садитесь. Я вас слушаю,— сказал Серебряков, с удивлением заметив волнение следователя.

— Товарищ полковник,— продолжая стоять, начал Сидоренко,— как следователь и коммунист я совершил большую ошибку: не выяснив одной детали, сдал дело Петрова.

— Вот даже как! До или после сдачи дела вы определили свою ошибку? Сегодня?.. Так вы всё-таки сядьте. А теперь рассказывайте.

— ...И наконец понял, в чём дело: с его характером и натурой Петров не мог выпить по столь пустяковому поводу в такой момент. Всё его предыдущее поведение говорит за это. Человек с характером Петрова мог выпить лишь по случаю сильнейшего душевного потрясения. Я убеждён в этом. Или из какого-то расчёта, обдуманно. Ничего такого, что могло бы потрясти Петрова в этот день, не произошло, и действительную причину своей выпивки может знать и знает только сам Петров. Отсюда я делаю предположительный вывод, что подследственный истинную причину своей выпивки почему-то скрыл, придумав ей вполне бесхитростное и жизненно-правдоподобное объ-

яснение, а я, следовательно, попался на эту удочку и дал себя провести...

Полковник Серебряков помолчал, снял с переносицы очки и, в раздумье покрутив ими, сказал:

— Я разделяю ваше предположение, капитан. О вашем промахе и вашей вине будем говорить, когда выясним истину. А пока достаточно того, что вы сами поняли свою оплошность. Выясняйте, но только уважайте в последственном человека. Он и так наказан. Представляете, как ему будет оскорбительно, если вы прямо или косвенно выскажете свои подозрения, а потом окажется, что прав-таки он, а не вы? И помните: о том, чтобы официально допрашивать Петрова по уже законченному делу, не может быть и речи.

...От Серебрякова следователь ушёл удовлетворённый, но досадное чувство своего промаха ещё не оставляло его. Зайдя в офицерскую столовую (походная кухня да несколько столиков, замаскированных под яблонями), Сидоренко без аппетита поковырял вилкой тушёное мясо, поднялся и собрался было уйти, когда на него налетел запыхавшийся посыльный.

— Товарищ капитан, а я по всему селу... вас вызывает полковник Серебряков, — едва переводя дух, выпалил молодой солдат.

«Что там ещё?» — встревожился Сидоренко и быстро направился обратно.

— Товарищ полковник, по вашему вызову...

Полковник поднял брови и удивлённо посмотрел на Сидоренко:

— Я вас не вызывал.

Тут пришла очередь удивиться следователю:

— Нет? Прошу извинения, это посыльный...

— Ах, посыльный, да, да,— улыбнулся полковник.— Вы, наверное, разминулись с ним, когда в первый раз ко мне шли, а он всё искал. Уже не нужно.

— Разрешите идти?

— Пожалуйста. Да, кстати, имейте в виду: я на всякий случай уже принял меры, чтобы Петров самовольно куда-нибудь не девался. Ясно?

Сидоренко был совершенно уверен в том, что, скрыв однажды истину от следователя и сравнительно легко отделавшись за своё преступление, Петров сейчас тем более не откроет карты.

Учитывая это, Сидоренко решил проверить всё, что касалось подследственного вообще. Время, проведённое Петровым в части, меньше всего интересовало капитана. Здесь Петров был весь как на ладони.

Поэтому Сидоренко обратился к более давним временам. Следователь сделал запросы в училище, в котором обучался Петров, в госпиталь, где тот лежал после ранения; на родину, где жили родители разжалованного. Хотелось запросить и войсковую часть, где служил Петров раньше, да разве её можно было быстро найти в боевом водовороте войны? А Сидоренко торопился. Больших трудов ему стоило запросить училище телеграфом, но он сделал это.

Отправив депешу, капитан зашагал к своей квартире, сразу же почувствовав обычную ра-

бочую приподнятость и спокойствие, которого не было последние дни.

На низенькой завалинке хаты сидел, поджидая Сидоренко, белобрысый сержант-кладовщик. У ног его лежал полупустой вещевой мешок с привязанной к ляжке биркой, на которой химическим карандашом было выведено: «Петров».

Ответив на приветствие сержанта, Сидоренко бросил:

— Принесли? Ну вот и отлично! — и вошёл с сержантом в хату.

Высыпав на стол содержимое вещмешка, следовательно сверил наличие предметов с находящейся там же описью и черкнул расписку.

— Только я не знаю, товарищ капитан... Личные вещи по приказу должны быть возвращены владельцу в течение десяти дней... — начал было сержант, принимая расписку.

— Знаю, — перебил его Сидоренко. — Ничего, срок ещё не вышел, а в случае надобности немного и задержим. Не беда: офицерские погоны, снаряжение и сумка Петрову сейчас не так уж нужны, — улыбнулся он.

Оставшись один, Сидоренко еще раз внимательно осмотрел ремень, портупеи, сумку. Подпоров края погон, вытащил оттуда дюралевые дощечки, особое внимание уделил золотой пластинке, носовым платкам и даже самому вещмешку. Но, изучив сантиметр за сантиметром каждую вещь, следовательно ничего интересного не нашёл.

Складывая вещи обратно, Сидоренко, однако, задержал руку над открытым мешком и, как

бы взвесив на ладони золотую пластинку, осторожно отложил её в сторону.

Вечер застал его за детальным, внимательным изучением пластинки, но самый тщательный её осмотр опять-таки не дал ничего нового. Так просидел он до поздней ночи, то пристально вглядываясь в каждую царапину на пластинке, то хмуро смотря в угол хаты, будто там, в кухонном буфете, таился желанный ответ.

На другой день после обеда солдат, охранявший вход в помещение школы, где располагалась полевая лаборатория, обратил внимание на невысокого, аккуратного капитана, который, улыбаясь, шёл по коридору, сдвинув фуражку на затылок. Поровнявшись с часовым, капитан придал лицу серьёзное выражение и водворил фуражку на место. Но, ответив на приветствие солдата, вдруг опять заулыбался и даже весело подмигнул.

— А все-таки она вертится! — задорно сказал он и оседлал мотоцикл, что стоял прислонённый к крыльцу.

Солдат неопределённо ухмыльнулся и, ничего не поняв, с сомнением потянул носом воздух: не пьян ли? Нет, от офицера чуть слышно пахло только одеколоном.

«Весёлый капитан», — решил солдат и долго ещё улыбался вслед машине.

Предположение Сидоренко частично оправдалось. Обработав пластинку, спецлаборант сумел усилить едва заметные следы на её оборотной стороне, и они выступили ясно и чётко. Закрепив их, он вручил следователю пластинку

и заключение, что неглубоко вытравленный текст пропал не в результате её естественного износа, а умышленно соскоблен. И к тому же — не очень давно.

Кем и с какой целью была уничтожена надпись, оставалось загадкой. Но то, что дата на пластинке была оставлена намеренно, уже не вызывало ни малейшего сомнения. «Конечно, еще невозможно утверждать, что текст стёрт именно Петровым: это могло быть сделано кем-то и до того, как пластинка попала к нему. Но ложь Петрова очевидна: пластинка была прикреплена и долгое время находилась на предмете, ничего общего с портфелем не имеющем, — проявленные следы на обратной стороне утверждают это... Но что это за предмет?» — терялся в догадках Сидоренко. Рисунок оттиска на пластинке казался ему чрезвычайно знакомым, и в то же время, как это нередко случается, Сидоренко никак не мог вспомнить, что же это был за предмет, на котором он привык видеть такую мелкую насечку по диагоналям.

«Но и это ещё ничего не доказывает. Петров действительно нуждался в ремонте зубов. И, может быть, он где-то позарился на золотую безделушку именно с этой целью, а потом соврал: сначала офицерам штаба, а затем мне повторил ложь. Хотя... мог же бывший неизвестный владелец портфеля перенести эту табличку с другого предмета на портфель незадолго до того, как бросить его? Попробуй докажи, что это не так», — продолжал размышлять Сидоренко.

Узнав о результатах экспертизы, полковник

Серебряков открыл походный ящик для документов и вынул из него пакет.

— Заключение экспертизы, безусловно, интересно. А вот вам и первый ответ на ваши запросы! Получайте...

В коротеньком сообщении недавно освобождённого Староукраинска говорилось, что родители Петрова погибли при отступлении фашистов из города.

Это было очень печально во всех отношениях. На родителей Петрова Сидоренко делал большую ставку, и вот первое и основное звено сразу выпало из задуманной цепи действий.

Не задержались с ответом и училище, и госпиталь.

...Придя на передний край, Сидоренко инсценировал случайную встречу с Петровым. Следователь, между прочим, спросил:

— Вы кончали Мучковское училище... у меня там приятель служил, не то комбат, не то ПНШ-первый, майор Петунин. Не помните?

— Нет, помначштаба у нас был подполковник Слёзкин, а комбатами — майоры Павлов, Рыбкин, Юрович и ещё не помню какие, но не Петунины. Может, уже после моего выпуска.

— Возможно. Он недавно туда уехал. Ну, как вы сейчас?

— Да ничего, товарищ капитан, воюю. Даже спокойнее — ответственности меньше.

— Да-а... А всё-таки нехорошо получилось. Родителям, небось, не писали?

При упоминании о родителях Петров нахмурился:

— Нет у меня родителей. Погибли...

Сидоренко выяснил: Петров действительно запрашивал Староукраинск и получил ответ.

Обстоятельства складывались так, что Петров был, пожалуй, прав. Всё, на чём следователь хотел проверить его, только подтверждало правдивость разжалованного. Пластинка — не улика, все фамилии и данные, относящиеся к училищу, точно совпадали с радиотелеграммой из Мучковска; представленные Петровым справки из госпиталя с указанием места и характера ранения, а также даты были совершенно тождественны с полученными выписками из истории болезни и даже несчастье с родными — всё, абсолютно всё находило своё подтверждение.

«Кажется, я толку воду в ступе. Всё правильно, всё подтверждается, а я всё что-то выискиваю. Тоже мне — хитрый Пинкертон», — язвительно заключил Сидоренко.

Но чем меньше было подтверждений, тем настойчивей он искал другие пути.

«Чёрт возьми! Неужели у нас в подразделениях никого нет из земляков Петрова или соучеников?» — спросил себя следователь и немедленно связался с отделом кадров.

Оказалось, что земляк один есть, но толку от него было для следователя мало: староукраинец наотрез отказался опознавать через много лет бывшего мальчишку, да ещё жившего на другом конце хоть и маленького, но всё же города.

Неожиданно значительным стал вопрос о соучениках. Из Мучковского училища в дивизию попало двое молодых офицеров. Один прибыл раньше Петрова, другой, лейтенант Гаркуша,

сын начальника политотдела, — позже. Оба погибли в боях. Первый — недели две спустя после прибытия Петрова, а лейтенант Гаркуша был смертельно ранен в первом же своём бою, на следующий день после зачисления в полк, в ту самую ночь, которая так плачевно кончилась для Петрова.

Передавший эти сведения офицер штаба заметил, как глаза Сидоренко сузились и потемнели.

Вернувшись к себе, Сидоренко походил по маленькой хате, потом сел за стол и принялся за вычерчивание табеля статотчётности.

Глубокая сосредоточенность, с которой он делал эту механическую работу, настолько поразила ординарца, снувшего было с каким-то вопросом, что тот тихонько удалился, не дождавшись ответа. Однако, не доведя какую-то линию до конца, капитан вдруг бросил карандаш и линейку. Вынул из походного ящика госпитальные документы Петрова и уставился в них, будто видел впервые. Рука следователя сначала медленно, потом быстро и решительно потянулась к телефону.

— Связь с «Мимозой» есть? Соедините! «Мимоза»? Включите Купчина.

На другом конце провода послышался грустой баритон:

— Купчин слушает.

— Говорит Сидоренко. Здравствуйте!

— Здорово. Что скажешь?

— У вас баня бывает?

— Каждый день: то они — нам, то мы — им.

Приезжай, попарим.

— Да я говорю о настоящей.

— Тоже бывает.

— Скоро?

— В понедельник, во второй половине дня. «В понедельник» значило по коду «сегодня». Сидоренко снова взялся за трубку.

— «Сирень».

Женский голосок не без кокетства ответил:

— «Сирень» слушает.

— Говорит «Акация», Сидоренко. Позовите, пожалуйста, большого Сергеева.

Трубка тихо стукнула и умолкла. Сергеевых у медиков было два: один хирург, другой заведующий аптекой. Хирурга звали большим Сергеевым. Вскоре он подошёл.

— Сидоренко? Это я, Сергеев.

— Иван Сергеевич, у меня к вам просьба: уделите мне часика два. Сможете?

— Когда? Сегодня? Трудновато... Не знаю уж...

— Очень нужно, Иван Сергеевич. Необходимо съездить к Купчину.

— К Купчину — дело другое. Мне туда тоже нужно, только вот никак не мог выбраться.

— Ну и отлично. Значит, я за вами заеду.

В «хозяйстве» Купчина Сидоренко и Сергеев расстались. Сидоренко отправился по своим делам, майор — по своим. Узнав, что личный состав моется, майор провёл общий медосмотр солдат, обращая особое внимание на состояние вернувшихся в строй после ранений. Солдаты любили «большого Сергеева»: он всегда нещадно «гонял» поваров, «разносил» нерадивых старшин, вгонял в пот санинструкторов,

добиваясь образцового санитарного порядка и службы.

Маленький, толстый и весёлый, живо переговариваясь с солдатами, «большой Сергеев» быстро осматривал их лично, подшучивая над полковым врачом.

— Я сам. Я вам не доверяю... Да, да! Вы здесь все, со старшиной во главе, только и думаете, как бы старика провести. Знаю я вас...

Стоявший рядом и раздававший солдатам бельё старшина отвечал в тон:

— Напрасно обижаете, товарищ майор! Уж кто-кто, а мы-то вечно от вас безвинно страдаем. Придираетесь вы к нам.

— Придираюсь? Ах ты, Иисус Христос выискался! А мыло? Молчи уж!..

Год назад старшина потерял по дороге от склада пол-ящика мыла. А майор ехал следом и нашёл. С тех пор старшина «намыливался» при каждом удобном случае.

— Жалобы есть? Нет? Отлично!.. Следующий!

— Солдат второго взвода Петров, товарищ майор!

Майор не стал напоминать солдату о его бывшем офицерском звании.

— Как здоровье? Жалобы есть?

— Нет, товарищ майор.

— Хорошо. А это что? Пулей, осколком?

— Осколком.

Майор короткими толстыми пальцами привычно прощупал розовый шрам.

— Прекрасно. Не открывается? Не болит?

— Нет, ничего. Иногда ноет.

— Отлично! Больше ничего?

— Никак нет.

— Замечательно! А вы крепкий. Откуда родом?

— Из Староукраинска...

— Да? А я там не так давно был. Остановливался на улице Островского. Знаете такую?

— А как же? Я там жил. Дом 26.

— Хороший городок. Помню, путался: хозяйка улицу всё по-старому называла... Ах, чёрт, забыл... Как улица раньше-то называлась? — вдруг спросил майор Петрова.

Тот на секунду растерялся.

— По-старому? Не помню.

— Свою-то улицу? — удивился майор.

— Так ведь давно... Да, вспомнил: Богомольная, — богомолки там всё ходили из монастыря.

— Да, да, Богомольная, Богомольная. Одевайтесь... Следующий!

Одевшись, Петров стал позади, близ майора. Тот продолжал осмотр, шутя с солдатами, расспрашивая их о делах, о родине, о семьях. Часто раздавался смех.

На обратном пути хирург говорил Сидоренко о результате:

— Шрам от ранения имеется и точно на том месте, которое указано в справке и подтверждении госпиталя. Но, может быть, вы и правы (тут Сидоренко живо обернулся к майору). Дело в том, что, по-моему, этот шрам является результатом очень поверхностного касательного ранения, а отнюдь не проникающего, тем более — с повреждением кости...

Сидоренко стиснул руку майора:

— В самом деле?

— Больше того, — продолжал майор, — шрам, по некоторым признакам, является вполне вероятным следствием оперативного, то есть искусственного, преднамеренного удаления узкой полоски кожного покрова.

Сидоренко откинулся на подушку машины.

— Кажется, я оказался прав.

— Подождите, батенька! Кость надо ещё проверить рентгеноснимком.

— Но справку о том, что вы сейчас сказали, можете дать? Официальную!

— Конечно, только с оговоркой о необходимости детальной экспертизы.

— Мне этого достаточно. Спасибо, Иван Сергеевич. А насчёт улицы? Спросили?

— Да. Сначала замешкался, потом назвал: Богомольная.

Сидоренко расстегнул карман и вынул сложенную бумажку. Развернув её, он молча показал доктору: там стояло совсем другое название улицы...

Дождь лил с самого вечера. Подгоняемые сердитым ветром, по небу неслись тяжелые тучи и, сменяя одна другую, обрушивали на землю нескончаемые потоки воды. Казалось, само небо прорвано орудийным громом, потрясающим материк от моря до моря.

Полковник Серебряков не спал. Он то брался за работу, то начинал читать, но, пробежав глазами страницу-другую, отбрасывал книгу и ходил по комнате — усталый, немолодой. Время от времени останавливался, прислушивался к непогоде и, покачав головой, снова

шагал. За окном прочавкали по грязи чьи-то сапоги. Полковник насторожился. Сквозь шум дождя донёсся возглас разводящего.

«Смена караула», — подумал Серебряков.

И в то же время неожиданно раздался стук в дверь: на пороге появился вымокший до нитки Сидоренко в плащ-палатке и с автоматом.

— Ну как, благополучно? Не сопротивлялся? — оживился полковник.

— В первый момент обалдел от неожиданности. А потом уже поздно было. Ну и тип! Прикинулся великомучеником и жертвой произвола. Даже митинговать пытался, так сказать, взывал к сочувствию масс. А дождичек!.. — потирая руки, выдал своё возбуждение Сидоренко.

— Да уж... Пробрало? Может, водки глоток желаете, капитан? Нет? Ну, тогда чаю горячего — вон там, в термосе. Пейте.

Подождав, пока Сидоренко нальёт себе чаю, полковник продолжал:

— Ну, вот вам и «мелкое» дело. (Сидоренко поперхнулся и покраснел.) А меня, только вы уехали, командующий вызывал — интересовался. Рассказал я ему всё с начала до конца — надо было видеть его негодование! А вас...

Шаги у дверей прервали Серебрякова. Чётко взбросив руку к козырьку, промокший адъютант известил:

— Товарищ полковник, вас с капитаном Сидоренко командующий просит к себе.

...Большой аккумуляторный фонарь ярко освещал комнату. Напротив командующего

у стола сидел молодой, начинающий полнеть офицер с двумя голубыми просветами на погонах.

— Войдите, — отозвался генерал на стук в дверь.

Предложив офицерам представиться друг другу, генерал пригласил всех сесть и, посмеиваясь, объявил своим:

— Вот товарищ майор тоже интересуется Петровым — настолько, что даже приехал сюда издалека. Ну-ка, товарищ капитан, расскажите майору об этом мерзавце. Вы о нём, по-моему, больше всех знаете.

Сидоренко встал и, не торопясь, ясно и сжато доложил всё, что касалось Петрова.

— ...Таким образом установлено, что он никогда не был тем человеком, за которого себя выдавал, и взят под стражу для дальнейшего следствия, — закончил Сидоренко.

— Ну, как работают следователи в нашем «хозяйстве»? — с нескрываемой гордостью спросил командующий майора и, не дожидаясь ответа, уже серьёзно продолжал, обращаясь к Серебрякову: — Товарищ полковник, что дальше делать с тем негодяем, вы, конечно, уж завтра решите с майором. А сейчас, — он взглянул на часы, — не буду задерживать и прошу позаботиться о госте.

«...И целый месяц не мог ни говорить, ни двигаться. Даже руки и ноги, как плети, были. И вот первое, что я делаю, — пишу вам. Третий день пишу, трудно ещё. Ох, и мучился же я! — голова стала ясная, а никак не могу,

чтобы меня поняли. А пистолет тот у меня изъяли в ППГ 1777 «ж». Там он и остался.

С гвардейским приветом
сержант *Геннадий Костылёв*.

Строгие глаза майора, перечитывавшего досланное к документам письмо, были полны тёплой участливости к беде сержанта и благодарности к нему. Положив письмо, майор в упор посмотрел на сидевшего перед ним человека. Взгляд этот уже не выражал ни ласки, ни участия.

— Ну, вам ещё не надоело это комедиантство?

Человек открыл рот, взглянул в глаза майора и вдруг молча кивнул головой.

— Да, я скажу вам всю правду.

— Итак?..

— Меня зовут Рихард Вегенер. Я — офицер разведывательной службы Германской империи. Четыре месяца тому назад я выбросился с парашютом в районе Белянки, где встретил лейтенанта Петрова, следовавшего в часть по назначению. Видя, что он боится фронта, я предложил ему свободу и гарантию жизни в обмен на личное дело, документы и кое-какие сведения из его биографии. Мы договорились.

В наш тыл уходил мой предшественник, обер-лейтенант Отто Гурке, и я отправил с ним вашего лейтенанта. Так я стал Петровым. Подмена фотографии в личном деле и небольшая операция для получения шрамов на тех местах, куда был ранен Петров, было пустяком.

В части мне было легко вести свою роль, тем более, что моей единственной задачей было проникнуть в ряды Советской Армии и ждать, когда я потребуюсь. Я ничего не сделал плохого за это время и даже не имею никаких сведений о других наших людях, ибо порученец сам должен был разыскать меня, когда настанет время. Мне ещё ничего не доверяли. Это было моим первым заданием.

Насчёт родителей я проверил: лейтенант Петров меня не обманул — они действительно погибли. И я боялся только одного — меня мог разоблачить какой-нибудь офицер, ранее учившийся или служивший с Петровым. Чтобы контролировать это (а заодно и всё возможное, — вставил майор), я познакомился с вашими офицерами штаба, и вопрос о соучениках никого не удивлял. На моё несчастье, в соседнем батальоне как раз оказался выпускник Мучковского училища. Но пока я узнал об этом, он уже погиб, и я вздохнул облегчённо. Всё шло хорошо. Я уже сам стал верить, что я Петров, когда свершилось несчастье: в наш батальон, да ещё в соседнюю роту, прибыл лейтенант Гаркуша — тоже мучковец. Он, как это у вас в обычае, сразу начал искать земляков и соучеников. Кто-то назвал ему меня.

Ночью мы неожиданно встретились, и он разоблачил меня. Шёл бой, и переходить в этот момент к своим мне было нельзя — могли убить. Ждать затишья — тоже нельзя. Я решил уйти в тыл и затем, обогнув фронт участка, на стыке частей пробраться к своим. На всякий случай догадался выпить, и когда меня остановили, я без труда разыграл пья-

ного. Я рассчитывал на то, что к пьяным у вас относятся без особых подозрений.

Но у вас же черти, а не солдаты! Задержали и пьяного. Это была первая неудача. Я не знал, что Гаркуша был убит в бою и ничего не успел рассказать про меня. Зная это, я мог бы спокойно находиться на своём месте. Мне было очень досадно, но уже делать было нечего. Конечно, до суда страху натерпелся, но зато потом даже обрадовался. Мне всё время казалось, что вы докопаетесь — ведь неопытен я, впервые, а вы...

— В общем предчувствие довольно верное,— сухо улыбнулся майор.

— Ну да... Мне казалось, что на положении солдата я вовсе не буду привлекать к себе внимание. Но и тут мне не повезло. Помешал следователь. Ухватился за то, за что я вовсе не опасался,— за пьянку. «Отчего, да почему...» И вот я здесь, у вас, и чистосердечно во всём признаюсь,— человек умолк.

— Ну вот, на этот раз уже ближе к истине. Только почему вы умолчали об убийстве лейтенанта Гаркуши, которое вы совершили в ту самую ночь?

— Клянусь, господин майор, я этого не делал!

— А сержант Костылёв утверждает как раз обратное.

— Так он, значит, не...— задохнулся Рихард Вегенер.

— Жив, жив, — «успокоил» его майор. — Вот и письмецо написал. О вас, кстати.

Лицо Рихарда потеряло остатки добродушия. Стиснув кулаки, он скрипнул зубами:

— Проклятье!.. Да, господин майор, по из-

вестным уже вам причинам я убил лейтенанта. И бежал именно потому, что не успел убить и этого свидетеля — сержанта. Я слишком поздно узнал, что сержант попал прямо под разрыв снаряда — иначе я бы и не делал дурацкой попытки тут же удрать. Я успел бы уйти потом — спокойно и хорошо, пользуясь своим офицерским званием. Всё! Энде! Я признаюсь!

— Как вы убили лейтенанта Гаркушу?

— Выстрелом из трофейного пистолета «Вальтер». Я не хотел его убивать, это был акт самоспасения.

Майор открыл ящик и вынул из него пистолет.

— А не из этого «маузера»? — спросил он. — Чей это пистолет?

— Не знаю. Это не мой.

Из того же ящика майор извлёк деформированный ударом кусочек металла в никелевой оболочке.

— Но экспертизой установлено, что вот эта пуля была выпущена именно из этого «маузера». Её извлекли из головы смертельно раненого лейтенанта. Чей это пистолет?

— Ну хорошо, — мой. Я его снял с какого-то убитого гауптмана...

— Вместе с этой пластинкой? — продолжал майор, положив на стол золотую безделушку.

— Нет. Эту пластинку я снял с портфеля. Я уже объяснил следователю.

— Но ваше объяснение было ложью. Замазанные смолой и поэтому незаметные отверстия на рукоятке пистолета совершенно соответствуют штифтам на пластинке.

— Мало ли может быть случайных совпадений! Это ни о чём не говорит.

— Значит, абсолютная идентичность усиленных на обороте пластинки отпечатков с рисунком насечки на рукоятке пистолета тоже случайное совпадение и ни о чём не говорит?

Вегенер неожиданно вскипел:

— Чёрт меня побери. Да, да, я действительно застрелил лейтенанта из этого пистолета! Я действительно снял именно этот пистолет с какого-то гауптмана! Я действительно содрал эту дурацкую пластинку с дарственным адресом каких-то нежных родителей своему любимому Эриху или Паулю в день его производства в офицеры. И очень сожалею, что, следуя глупой пословице «Как бы чего не вышло», стёр этот адрес. Не сделай я этого, сейчас вы бы не стали создавать целой истории из-за какого-то паршивого пистолета с грошёвой пластинкой... Мне она действительно нужна была для ремонта зубов.

— Спокойнее! Конечно, если бы вы оставили текст, всё было бы проще. Но почему вы оставили на пластинке только дату? Это необходимо для ремонта зубов?

— Это ерунда, не имеющая никакого значения. И вообще, господин майор, если вы хотите, чтобы я говорил о деле, то спрашивайте о нём, а не о пустяках, которые только... — Рихард осёкся под взглядом майора.

— Допрашиваю я. И потрудитесь помнить об этом, как и о том, что наглость у нас не в почёте... А если дату «1.III.36» выразить без точек и римских знаков, то получится число «1336» — ваш агентурный номер. Текст был

вам опасен, а номер нужен как паспорт шпиона, как пропуск на ту сторону, как пароль для связи с другими агентурными разведчиками. Это, конечно, «пустяк», о котором незачем говорить, не так ли?

Лицо Вегенера вмиг покрылось красными пятнами, ногти пальцев врезались в ладони. Он взглянул на майора и голосом, полным бессильной злобы, ответил, резко выдыхая слова:

— Да! Этот паспорт в виде дарственного адреса, прикрепленного к рукоятке пистолета, служил мне верой и правдой в течение нескольких лет. Такие пистолеты свободно продавались во всех магазинах Европы, и он прошёл со мной пять стран, пять границ и нигде не вызвал подозрений... И только в вашем Союзе... Ох, и Союз!.. — подавился ненавистью Рихард.

— Для нас не плох, а вот для вас действительно — ох! Итак, это уже похоже на правду. Дальше.

— Всё. Я сказал всё.

— Ну зачем же такая скромность? Отчего бы вам не рассказать об убийстве ещё двух офицеров?

— Господин майор! Я честно признался во всём. Клянусь вам! — патетически воскликнул Рихард.

— Положим, далеко не во всём, и то с моей помощью... Хорошо. Как вы были одеты, когда ваша нога впервые ступила на нашу землю?

— В обыкновенной форме германского десантника: комбинезон, шлем, снаряжение.

— Это вы считаете формой десантника? —

спокойно переспросил майор, любезно протянув Вегенеру фотографический снимок.

Вегенер отшатнулся: с открытки на него, как из зеркала, смотрело добродушное лицо человека, стоящего в парусиновом реглане на ступеньках Мурманской Центральной сберкассы. Остекляневшими глазами Вегенер уставился на майора:

— Вы ещё... вы... вам... — пролепетали побелевшие губы.

Майор любезно улыбнулся:

— Совершенно верно. Нам всё известно. Правда, тогда вам удалось ускользнуть от внимания моих коллег. Честно говоря, они не ожидали от нашего зарубежного «гостя» того, что он в первые же часы пребывания в СССР совершит зверское убийство лейтенанта Петрова. Покойный жестоко поплатился за свою болтливость и доверчивость, а вам удалось улизнуть и усугубить свою вину ещё двумя убийствами офицеров, имевших несчастье учиться в одном училище с Петровым, вернее — попасть в часть, где маскировался его подлый преемник... Ну-с, «Рихард Вегенер», — усмехнулся майор, не скрывая презрения и ненависти, — теперь вы будете говорить, начиная с упоминания своего подлинного имени?

Сдержав дыхание, тот долго исподлобья смотрел на майора и тяжело выдохнул:

— Да. Меня зовут Коллинг...

Вскоре его судили. Как «шпиона одной из иностранных разведок» — так было сказано в газетах.

ПОД СЕНЬЮ КРЕСТА УНИИ

Было ещё прохладно. С востока гора розовела, встретив первые солнечные лучи. На западном же склоне, в густых кронах деревьев, ещё таились утренние сумерки.

В небольшом парке дорога разбежалась в разные стороны небольшими аллеями. Выбрав одну из них, Захаров уверенно пошёл дальше, в гору, и вскоре очутился на ровной, как бильярд, и такой же зелёной поляне, обрамлённой кустами.

— Ишь ты, как красиво! — окинув взглядом поляну, удивился сопровождавший Захарова солдат Соболев — коренастый, мускулистый, добродушнейший сибиряк.

Захаров и Соболев пересекли поляну и у подножия земляного конуса наткнулись на развалины древней каменной стены с бойницами и чуть дальше — на серого каменного льва, сидящего на таком же сером квадратном постаменте. Передними лапами лев держал щит, на котором едва сохранился высеченный когда-то герб. Сам лев выглядел не лучше: камень источен ветрами и дождями, линии давно потеряли чёткость, а пальцы на лапах, левое ухо и ноздри были вовсе отбиты.

Захаров и Соболев долго разглядывали льва и развалины стены.

— А где же Высокая Крепость, товарищ капитан? — спросил, не сдержав любопытства, Соболев.

— Вот это она и есть. Вернее — то, что от неё сохранилось, — ответил Захаров и смеясь, прочитав на лице солдата откровенное удивление и разочарование.

Карабкаясь по крутизне, они отправились на вершину конуса и вскоре очутились на «пятачке» — маленькой круглой площадке, похожей на цирковую арену.

— Смотрите, Соболев! — указал Захаров.

Перед ним, далеко внизу, раскинулся большой старинный украинский город. В этот ранний час он ещё не был отчётливо виден: его кварталы, парки и бульвары затянуты утренним туманом, который лениво и вязко стлался, скрадывая очертания домов и улиц. Отсюда, с уже озарённой солнцем вершины, эти медлительные свинцово-серые клубы в первый момент казались мрачными, но вот солнце приподнялось из-за Высокой Крепости, и в его луче ярко вспыхнул алый флаг. Большое красное полотнище, два дня назад установленное на башне ратуши руками советских солдат, гордо развевалось над освобождённым городом. И как бы развеянный шёлковым полымем, туман немощно поблёл, заметался и растаял — глазам Захарова и Соболева открылась чёткая, красивая и светлая панорама города.

Казалось, не солнце, а флаг бросил на город свои лучи и, разогнав хмарь, раззолотил улицы,

дома и парки весёлой позолотой июльского утра.

Картина эта представилась Захарову почти символической: вот так же, как этот только что рассеявшийся туман, город ещё окутывала неизвестность, — ещё не выяснено настоящее имя того или иного жителя, не установлено пока, почему не удрал с фашистами В., а удрал Б., и удрал ли он действительно или живёт где-нибудь в самом центре под иным именем. Ещё липла в укромных уголках города, как вот эти клочья тумана, разная дрянь, ещё в радостно улыбающейся праздничной толпе нет-нет да и вспыхивали из-за чьей-нибудь спины горячей ненавистью чьи-то злобные, колочие глаза, ещё раздавались в сумерках одиночные выстрелы из-за угла. Но уже третий день полыхал над городской ратушей алый флаг освобождения, и с каждым его трепыханием рассеивались и таяли клочья гнилого тумана диверсий, шпионажа и террора.

Ещё грохочут по пути на запад освободившие город советские танки, не сегодня-завтра двинутся в дальнюю дорогу и Захаров с Собо-лем, но, стоя здесь, на этой горе, они уже видят тот близкий день, когда народ выдернет из своего тела последнего клеща, вооружённого ножом и свастикой, и будет радостно, спокойно трудиться и жить.

Захаров, сняв с головы фуражку, расстегнул гимнастёрку и повернулся лицом к солнцу. Взгляд офицера остановился на ближайших холмах, а мысли перешагнули через них и ушли далеко на северо-восток — туда, откуда началась военная дорога Захарова.

Июль... Солнце... Желтоватые холмы выравниваются под затуманенным взглядом Захарова, сереют, превращаются в горячий мягкий асфальт, по которому печатают тяжёлый шаг солдатские ботинки,— в этот самый день, получив диплом об окончании юридического факультета, Захаров отдал его на сохранение матери и рядовым добровольцем вышел из родной Москвы навстречу врагу...

Июль... Горькой полынью дышит выжженная солнцем степь, мощно и гордо несёт свои воды мать русских рек, сурово высится на её крутом берегу легендарная твердыня... Командование, дознавшись о скрытом дипломе, не вникая в мольбы, строго приказывает старшему сержанту передать взвод, а самому отправиться в военно-учебное заведение...

Июль... Офицер — военный следователь мчит «на перекладных» по фронтовым дорогам, следуя по назначению. Остаётся позади горящий Старый Оскол, промелькнули Обоянь, Ржава и по вехам сотен обугленных «тигров» и «фердинандов» офицер въезжает в грохочущий боем Белгород...

И вот снова июль, и перед Захаровым расстилается освобождённый Галичин — город, которого следователь никогда не видел, но который был ему таким же родным, как и все пройденные...

Захаров повернулся и стал вглядываться туда, куда ещё предстояло идти. В ту же сторону пристально смотрел и Соболь. Обняв солдата за плечо, Захаров протянул руку с тонкими длинными пальцами.

— А вот там, Собо́ль, за теми высотками, кончается земля русская...

Покинув Высокую Крепость, Захаров и Собо́ль спустились в город и нарочно пошли через площадь Рынок. В центре её массивным каре выстроилась городская ратуша, увенчанная по фасаду высокой четырёхугольной башней, на которой полыхал алый флаг. Арку главного входа в ратушу охраняли близнецы-львы, сидящие со щитом в лапах: точно такие же, как и тот, что стоял на вечном посту над городом, только помоложе. Перед ратушей толпился народ. Запрокинув голову, люди часами любовались флагом. Одни уходили, другие приходили, — и так вот уже третий день.

Захаров и Собо́ль прошли мимо кафедрального собора греко-католической унии. Прямо у панели, в каменных нишах, покоилось изваяние усопшего Христа, дабы верующие могли прикладываться к нему на ходу. В этом особенно усердствовали всевозможные старушки — каменный Христос лежал весь обмусоленный и усыпанный цветами бессмертника.

— И куда только санинспекция смотрит! — наивно возмутился Собо́ль. — У нас кержаки уже на что народ-кремень, а и то давно от такого дела отстали.

— А у вас, Собо́ль, Советская власть сколько лет?.. Вот то-то же! А здесь всего год, да и то ещё до оккупации.

Капитан и солдат пересекли улицу Легионов и вошли в гостиницу, занятую штабом их соединения. В комнате дежурного, в своём отделе, Захаров застал двух сослуживцев — капитана Михеева и лейтенанта Зернова. За-

кадычные друзья, как всегда, горячо спорили, что, впрочем, являлось чуть ли не основой их дружбы.

— Тш-ш!.. А поспокойнее можно? — засмеялся Захаров. — Накурили, черти! О чём спор? — поинтересовался капитан, распахивая настежь оконные рамы.

— О чём? Вот скажи: допускаешь ли ты такое уголовное преступление, которое не могло бы быть расследовано советскими криминалистами?

— Конечно, нет. Советский уголовный процесс вообще исключает дела, не поддающиеся расследованию.

— Ну вот, пожалуйста! — победно взглянул на Зернова Михеев.

— Да принципиально я и не спорю, но вот практически...

— Ну-у, совсем заехал! — безнадёжно махнул рукой Михеев.

Сидя на подоконнике и покачивая ногой, Захаров улыбался.

Вдосталь позабавясь, он пожал плечами:

— А вообще-то, друзья, сказать по-честному, оба вы несёте ахинею: один выдумывает нереальные, оторванные от жизни, действительности, времени и места примеры, а другой, вместо того, чтобы идти завтракать, оспаривает их. Вы вот тут лясы точите, а мы с Соболем уже на Высокую Крепость сходили. Ох, и красиво же, братцы! Весь Галичин как на ладони! Ну, пошли, я проголодался...

Позавтракав, офицеры вышли на длинный — через весь фасад гостиницы — балкон и закурили. Но не успели Михеев с Зерновым найти

новую тему для своего спора, как из окна высунулся дежурный:

— Здравствуйте, товарищи! Захарова не видели?.. Ах, и вы здесь! Идите, полковник вызывает!

Окинув придирчивым взглядом ловкую, подтянутую, даже чуть щеголеватую фигуру капитана, полковник остался доволен.

— Войсковая часть полевая почта 19999-А (она вчера вышла из Галичина) просит нас помочь ей в розыске рядового Тимофея Николаевича Никитина и старшины Василия Дмитриевича Курского — военнослужащих данной части, пропавших третьего дня. Старшина и рядовой вышли из расположения части в город и в срок, указанный в увольнительных, не вернулись. Не пришли в часть и наутро. Днём командир разыскивал их своими силами, но не нашёл, а вечером часть выступила из города. Вот и всё. Вот тут приложены фотографии пропавших, их анкетные данные и разные справки...

Полковник передал бумаги Захарову.

Приняв все обычные в таких случаях меры, то есть запросив комендатуры, госпитали, Захаров ещё раз тщательно изучил все имеющиеся у него материалы и тяжело вздохнул, на что имел полное основание. Действительно: два военнослужащих вышли из части — и как в воду канули. Куда они направились? Вдвоём или с кем-нибудь ещё? Вместе или порознь? Были ли у них в городе знакомые? Куда они заходили? — ни на один из этих вопросов никто ответить не мог.

Несчастный случай почти исключался: лю-

бое лечебное учреждение немедленно сообщило бы о пострадавших в их часть. Проверить это, конечно, было необходимо, но... Захаров почти не останавливался на этой версии, тем более, что проверить её не составляло никакой трудности. Самовольная отлучка двух ветеранов части, отличных бойцов-комсомольцев также исключалась. Вероятнее, пожалуй... Захаров ещё раз перечитал документы: Никитин был рядовым-автоматчиком, старшина же Курский — работник штаба.

«Так, так, так. Этот, безусловно, представляет немалый интерес! — подумал Захаров. — Скорее всего солдат и старшина явились жертвами притаившегося в городе врага. Допустим, что это предположение правильное. Но где же всё-таки искать след пропавших? Велик арсенал подлости у политических бандитов: убиты ли Курский и Никитин, или похищены, увезены, или спрятаны где-то в городе — таких «или» можно привести до бесконечности».

Размышляя и пока что не чувствуя под собой сколько-нибудь реальной почвы, Захаров, однако, не бездействовал. Связавшись с органами гражданской власти, следователь узнал, что за истекшие сутки было зарегистрировано два террористических акта: один советский работник чудом спасся от удара «случайно» упавшего с крыши камня, и местный выдающийся журналист-демократ был убит на улице пистолетным выстрелом из подвального окна.

«Значит, бандиты стали на путь открытого террора, а это уже даёт право предполагать худшее в судьбе двух военнослужащих — Курского и Никитина», — подумал следователь.

Поставив себя на место преступников, Захаров пытался сообразить, куда можно скрыть жертву. Сжечь? — опасно: летом печей никто не топит, готовят в Галичине на газовых плитах, и дым из трубы в июле месяце может привлечь внимание.

Подбросить тело в пустующую квартиру? В мусорный ящик? В подвал или на чердак? — в такую жару это через час станет обнаружено, и собака-ищейка легко возьмёт след. Утопить? Негде. Хотя...

Через пять минут Захаров был на улице и, лёжа на животе, заглядывал через открытый люк в трубу подземного канала. Галичане пояснили следователю, что когда-то на месте бульвара, посередине улицы Легионов, текла маленькая грязная речушка — ручей, оформленный под канал. Потом эту «водную артерию» догадались заключить в большую трубу, которую сделали главным канализационным стоком.

Разыскав контору, ведающую саночисткой города, следователь вооружился планом канализационной системы и через некоторое время в разных точках города у открытых люков встали люди, опутив в подземный канал металлические сетки на шестах. Весенние воды схлынули давным-давно, дождей тоже давненько не было, и на дне бетонной полутораметрового сечения трубы лениво тёк маленький мутный ручеёк, немощно неся какие-то тряпки, консервные банки и прочие отбросы. Но люди терпеливо стояли на своих местах, а тем временем сопровождаемый солдатом Соболевым следователь действовал в других на-

правлениях. К вечеру он вернулся в гостиницу ни с чем и, узнав, что посты на канализации тоже ничего интересного не обнаружили, сел в машину и поехал проверить их. Но убедившись, что люди в точности исполняют его инструкцию, Захаров вернулся к себе.

Он решил было промыть некоторые боковые линии, проходившие под наиболее глухими кварталами, и обратился за помощью к пожарным. Но те оказались несостоятельными: испорченная бандитами система гидрантов ещё не была отремонтирована. Захаров продумывал все варианты, подсказанные ему опытом, но мысли упорно возвращались к каналу.

Тем временем от поста к посту неторопливо передвигался человек, подолгу задерживаясь у каждого открытого люка, заглядывая в него и внимательно наблюдая за манипуляциями с железными сетками. Так он переходил до тех пор, пока его не задержали и не отправили к Захарову.

Появление этого немолодого, сутуловатого, спокойно-насупленного мужчины вызвало самый неподдельный интерес следователя.

— Гнат Остапчук, — степенно опускаясь на стул перед следователем, назвал себя задержанный.

На вопросы Захарова Остапчук отвечал рассудительно, немногословно и чрезвычайно спокойно.

— А вы человек выдержанный, — заметил следователь.

— Да, ничего: и в двуйке був, и в дифензиве, и в гестапе трохи не згинув, але не злякався...

Вскоре Захаров убедился, что Остапчук — человек порядочный. Непонятным было только его любопытство к действиям следователя. Но немолодой украинец сам поднял этот вопрос.

— Я до вас, капитан, маю pytania: подывився я на ваших хлопцев, але ничего не зрозумив, — що це ви там шукаєте? — откровенно полюбопытствовал Остапчук.

Захаров некоторое время молча смотрел в глаза Остапчуку и вдруг пояснил, что ищет одну очень важную вещь, которую бандиты, наверное, бросили в канализацию.

Остапчук понимающе покивал головой и с той же неторопливостью обратился к следователю с неожиданным предложением. Оказалось, что Игнат Остапчук когда-то работал по ремонту канализации, отлично знает её устройство, неоднократно спускался в трубы и сейчас готов снова спуститься, если это может помочь важному делу.

— Це тильки я сможу зробить, бо там сторонней людыне загинути — раз чохнуть, — закончил Остапчук.

...Когда улицы почти опустели и звон часов на башне ратуши доносился до отдалённых кварталов, Остапчук спустился в люк, обвязавшись на всякий случай верёвкой. Посвечивая себе фонарём, он пробирался по трубе. Возраст и годы оккупации сделали своё дело: старику было тяжело. Он задыхался, голова шла кругом, ноги и руки деревенели. Пуще всего сказывался недостаток кислорода в тесном бетонном туннеле. Не помогал и противогаз: в нём непривычному Игнату было ещё хуже.

Но старик крепился. Так он спускался в одном месте, потом в другом, третьем. В четвёртый раз Захаров и солдаты, проследив, как Остапчук скрылся в трубе, стали наблюдать за верёвкой: извиваясь, она змеей уползала вслед за Игнатом, потом остановилась, снова дёрнулась и опять задержалась. Люди наверху насторожились. Прошло несколько секунд — верёвка не шевелилась.

— Остапчук! — крикнул Захаров, наклонившись над люком мостовой.

Труба молчала.

Подтянув ремень, Соболев крикнул товарищам: «Держите!», и, не задумываясь, скользнул по верёвке в люк. И ещё не успели солдаты распрямить спины, как из трубы послышался вскрик, верёвка сильно дёрнула людей, и они чуть было не нырнули вслед за Соболевым. Солдаты всё-таки удержали верёвку. Вскоре она ослабла, и глухой голос скомандовал снизу: «Тяните!» Солдаты извлекли из люка Остапчука: голова его бессильно опустилась, а руки висели, как плети. Вслед за Игнатом был извлечён и Соболев.

— Вот чёрт! Не успел шагу сделать, как в щель угодил: сверху грязь, а наступил и — бултых! — чуть не по уши провалился.

Глотнув свежего воздуха, Остапчук пришёл в себя и тут же собрался снова лезть в трубу.

— Ну, нет, всё! — решительно воспротивился Захаров. — Рисковать вами я не имею ни права, ни желания.

— Та що вы мне байки розповідаєте! — распалился вдруг Остапчук. — Розумієте, пан ка-

питан, що мне мабуť тильки два кроки...— и, нагнувшись к уху Захарова, он что-то горячо зашептал следователю.

* * *

В полночь эксперт-медик отошёл с Захаровым от обитого оцинкованным железом стола и склонился над умывальником.

— Расчленили, мерзавцы! Ну, что же я могу заключить? Определенно: жертвой был мужчина лет двадцати пяти. Нога отрезана умышленно небрежно, уже после смерти человека, тридцать — тридцать пять часов тому назад. Погибший носил сапоги с мягкими высокими голенищами и низкими задниками. Надо полагать, — продолжал врач, отойдя от умывальника, — пострадавший был советским военнослужащим. Во всяком случае — не местный житель. Здешние таких сапог не носят. Вот, пожалуй, и всё, — закончил эксперт.

«Похоже на то, что я на верном пути, — думал Захаров. — Очень похоже. Но зачем бандиты расчленили тело убитого? Лишняя только возня. Но... удобнее вынести по частям — раз, сподручнее подбросить куда угодно — два, и — да, да, да! — наверное, учли, что сейчас воды в стоке мало, течение слабенькое и целиком тело не унесёт. Надо полагать, бандиты не первый раз пользуются этим способом и уже изучили его в совершенстве...»

Захаров ещё долго думал, строил различные предположения и только к четырём часам утра решил, наконец, что надо делать. Он велел заложить трубу в нижней части го-

рода, а в верхнюю спустить воду из всех бассейнов.

К семи часам утра вода в подземном канале значительно поднялась. А в девять часов следователь и эксперт-медик снова подошли к оцинкованному столу, на котором теперь уже лежали рука, голова и туловище погибшего. Сомнений уже не было: жертвой оказался разыскиваемый рядовой Никитин.

Следы на теле свидетельствовали о страшных пытках, которым был подвергнут солдат — освободитель Галичина. Во рту убитого торчал кляп, наспех сделанный из какой-то подвернувшейся под руку бандитам газетной бумаги. Жизнь комсомольца была оборвана ударом ножа, рассекшим горло до самых позвонков.

Закончив своё дело, врач ушёл. Захаров остался наедине с загадкой убийства, которую ему предстояло разгадать до конца. Разыскав тело Никитина, следователь вышел из одного тупика, но сразу же очутился в другом: найдя пропавшего, нужно разыскать убийцу, а это было, пожалуй, потруднее.

Много вопросов стояло ещё перед Захаровым. Жив или тоже убит старшина Курский? Где его искать? Зачем понадобилось преступникам так мучить Никитина, который не мог знать планов командования и больших тайн? Состоит ли убийство Никитина в прямой связи с исчезновением Курского?

Руководствуясь законами тактики расследования, Захаров поставил перед собой задачу: продолжая все виды розыска, прежде всего

расследовать до конца убийство Никитина. Но как? Найдя доказательство преступления, Захаров, к сожалению, не нашёл ничего, что давало бы ему возможность твёрдо сделать хотя бы первый шаг к розыску преступника.

Следователь сосредоточил своё внимание на кляпе — единственном, что было у него в руках. Осторожно расправив бумажный ком, Захаров установил, что это был «AS», номер сорок четвёртый, от тридцатого октября 1938 года, — тоненький иллюстрированный журнал — «ширпотреб». С первой страницы, сквозь кровь Никитина, на следователя смотрел знаменитый танцовщик парижской «Гранд-опера» Лифарь. Бережно переворачивая страницу за страницей, следователь тщательно просмотрел рассказы, рекламы, вид Нью-Йорка с воздуха, снимки формалистического «танца двух эпох» и ещё всякую дребедень. Не найдя никакой пометки, сделанной карандашом или пером, что могло дать в руки следователя какую-то нить, отбросил журнал и вздохнул.

Пока можно было предположить лишь то, что Никитина истязали в помещении, неспособном заглушить сильный крик: поэтому, когда Никитин закричал, преступники схватили первое, что попало им под руку. Коль скоро таким предметом оказался журнал, сам собой напрашивается вывод: убийство совершено, по всей вероятности, в квартире. Всё это, конечно, ценно, но... этого далеко не достаточно. Квартира? Хорошо. А какая? Чья? Да и квартира ли?..

Ещё и ещё раз рассматривая листы жур-

нала, следовательно обратил внимание на то, что разрывы бумаги и края тех мест, где оторваны кусочки страниц — преимущественно углы, — разнятся между собой: в одних местах разрывы явно давнишние, в иных относительно свежие.

Осенённый какой-то новой мыслью, Захаров отправился ещё раз осмотреть тело погибшего. Вскоре следовательно вернулся к себе с двумя маленькими смятыми обрывками бумаги. С величайшей предосторожностью расправив их, Захаров на одном из обрывков, оказавшимся углом обложки, обнаружил едва различимый штамп почтового отделения с... адресом и фамилией подписчика! Правда, на штампе нельзя было разобрать главного: номер дома и квартиры совсем пропал, а от фамилии осталось лишь начало, но над восстановлением их стоило потрудиться!

* * *

Возвращаясь с базара, пани Родзинская несколько раз останавливалась и опускала кошёлку на тротуар, чтобы перевести дух. А ведь совсем недавно у пани Родзинской была весёлая прислуга Яна, которая проворно летала на базар с этой самой кошёлкой; в просторной квартире гремел баритон любящего попеть Зигмунда, а сама пани Родзинская не чувствовала ни своих пятидесяти лет, ни одиночества. Но сгинул в гестапо за отказ стать военным врачом фашистских «Народовые силы збройне» Андерса доктор Зигмунд. Угнали в Германию Яну. А самое пани Родзинскую некий грязно-

рабочий ОУН¹ выбросил из её квартиры, решив поселиться в его прежней, из которой забрал всё своё барахло, вплоть до пустых бутылок и карандашного портрета дрогобычского поповича Степана Бандеры...

Поднявшись на второй этаж небольшого серого дома на углу Маршалковской улицы, пани Родзинская остановилась у дверей квартиры, разыскивая в сумочке ключи. В это время на третьем этаже хлопнула дверь, и по лестнице стал спускаться молодой офицер, сопровождаемый двумя солдатами. Войдя к себе, пани Родзинская слышала, как кто-то постучал к её соседям, а через некоторое время и в её квартире раздался звонок.

Открыв дверь, пани узнала того же русского офицера и его солдат. Увидев перед собой маленькую пожилую женщину, офицер быстро посмотрел на номер квартиры, и в глазах его мелькнуло едва уловимое удивление.

— Проверка документов. Разрешите? — просто сказал офицер.

— Прощу пана, прощу! — распахнула дверь женщина.

Офицер отдал честь и вошёл с солдатами в крохотную прихожую.

— Вы хозяйка квартиры?

— Так, так. Прощу пана офицера, до покою,— предупредительно пригласила хозяйка, распахивая дверь, ведущую в комнату.

Офицер и один солдат прошли туда, другой

¹ ОУН — возглавляемая ставленником международного фашизма Степаном Бандерой буржуазная «Организация украинских националистов».

остался у выхода. Хозяйка юркнула в кухню, потушила газовую плитку и, вытерев руки полотенцем, вышла обратно.

Тем временем офицер быстро оглядел квартиру: маленькая, так называемая «кавалерка» — кухня, ванна, уборная и единственная комнатка.

«Родзинская Ядвига Леопольдовна», — вслух прочитал имя хозяйки в документе офицер.

— Так, так.

— Кто ещё здесь проживает с вами?

— Ниц, нема никого, пан офицер.

— Вы давно живете в этой квартире?

Выслушав ответ, Захаров хотел было спросить, не знает ли она, где живёт теперь бывший владелец квартиры и как его фамилия, но передумал: проверка документов в военное время — дело обычное, а начнёшь такие расспросы — вызовешь подозрение насчёт истинной цели проверки. А кто её знает, эту женщину?.. Нет уж, лучше не рисковать.

Опытным взглядом следователь сразу же определил, что в этой квартире такого преступления, как убийство с расчленением жертвы, совершено не было, а поэтому и журналы искать здесь не следует: не побегут же убийцы сюда специально, тем более за тем, чтобы взять явно неподходящую для кляпа вещь. Разумеется, журнал является именно случайно подвернувшейся под руку вещью на месте преступления.

Захаров вернул документ хозяйке.

— Всё в порядке. До свидания, будьте здоровы, — офицер прикоснулся к козырьку фуражки и направился к выходу.

— Дзенькую бардзо. Довидзеня, пан офицер... — нерешительно ответила хозяйка и вдруг торопливо, будто боясь, что офицер уйдёт, недослушав её, заговорила. Сначала Захаров не понял — хозяйка говорила польски, — но смысл её слов быстро дошёл до его сознания: взволнованная пани Родзинская сообщила советскому офицеру о том, что неделю назад к ней пришёл какой-то неизвестный молодой человек в клетчатом коричневом пальто и спросил про бывшего жильца. Пани Родзинская объяснила незнакомцу, что Остап Пивень уже два года здесь не живёт, а благоденствует в квартире номер семь в тридцатом доме на Калече. Узнав об этом, незнакомец нахмурился и быстро-быстро ушёл.

Спустя три дня советские войска освободили Галичин, и Родзинская хотела сообщить о подозрительном визитёре, но, сообразив, что, кроме личного впечатления, у неё нет никаких данных к подозрению незнакомца в чём-то нехорошем, женщина раздумала идти с заявлением.

Но какое-то смутное беспокойство не покидало Родзинскую. И сейчас, пользуясь случаем, она решила всё же рассказать советскому офицеру о визитёре.

«Крючок или скромность?» — подумал Захаров и улыбнулся.

— Ну и правильно решили: почему же не сказать? Лично меня это не касается, моё дело — проверка документов. Но я скажу, кому следует, и, может быть, товарищи заинтересуются этим визитом. Но мне думается, ничего тут плохого нет...

В конце Академической улицы Захаров свернул направо и зашагал по переулку, отыскивая по номерам нужный дом.

«Действительно, Калеча», — усмехнулся следователь, представив себе этот ухабистый переулок в гололедицу. В большом светлосером доме «люкс» Захаров не нашёл Остапа Пивень: он удрал с фашистами. Пожилой словоохотливый украинец дворник, смеясь, поведал следователю о том, каким козырем ходил Пивень при оккупантах и как «несолидно» удирали — ему даже грузовика не дали, и всю мебель Пивень увёз на вокзал на лошади.

— Три рейса зробил, сам вантажил — аж очи зачервонели! — хлопнув себя по коленям, захохотал дворник.

«Очень интересно», — насторожился Захаров и рассмеялся вместе с дворником:

— Не может быть!

— Так, так. Як же не может — так воно и було.

— Сам и грузил?

— Да ще як! Я тим часом рядом був, вин забачил и кажет: «Вантаж, я тобі гроши дам». А я кажу: «Пробачте, пан Пивень, не можу — спина болить». Вин тильки очами зырк на мене: «Геть видсыля!» — я и пийшов, доке вин пістоля з кышени не злапал. Прийшов до себе и з викна дывлюсь, як вин шафу на горбе с горы пре. Ха!

— Здорово! Ну, а потом что?

— Да що — и дале так само було б, колысь вин не знайшов дурня. Мебли вин мав багато: мабуть, перший злодій да заграбник в Галичине був — нахапал. Ну, и говорит чо-

ловику, що з конем був: «Вантаж швидко — багато грошей одержишь. А то...» — и пистоль кажет. Ну, тот злякався и давай — за двадцать хвылин усе закинчив...

— А-а, это тот, что у вокзала с лошадыю стоит, одноглазый такой? Знаю.

— Да ни, пан офицер, це Грицко наш був — що ось тут на цитадели мешкае, живет, по-российски сказать... Вин оба ока мае, да тильки...

— Нет, Грицка я не знаю, — вздохнул с сожалением Захаров, прерывая болтливое дворника. — Ну, до свидания, дедусь!

— До побаченя. Дякую, пан офицер! — поблагодарил тот за хорошую папиросу и долго ещё смотрел вслед Захарову: «Якась проста та добра людына — червоноармейский офицер. Чудово!...»

Разыскать на Цитадельной площади незадачливого Грицка было делом несложным. Как и подозревал Захаров, Остап Пивень все свои вещи увёз не на вокзал, а в другой район города.

Извозчик оказался не то блаженным, не то на редкость ограниченным человеком. С искренним возмущением Грицко рассказал, что, сбежав якобы от своей ведьмы-жены к молодухе, Пивень договорился с ним, с Грицко, о том, чтобы Грицко никому не называл новый адрес Пивня, за что получит пять тысяч. Грицко согласился и действительно получил даже не пять, а шесть тысяч... марок, которые через три дня превратились в ничто. Теперь же, поняв, что его надули, Грицко считает себя свободным от договора и просит офицера:

нельзя ли потребовать от Пивня настоящих денег, так как тот, конечно, знал о предстоящем бегстве оккупантов и должен был заплатить Грицко рублиями.

Изумлённый такой откровенностью, Захаров в первый момент хотел было сразу же арестовать незадачливого пособника врага, но, быстро сообразив, что Грицку никакого резона не было так откровенничать с первым встречным офицером, решил воздержаться.

«Но ведь ему ничего не стоит тут же побежать и к Пивню, чтобы похвастаться своей сообразительностью. Только этого сейчас мне недоставало!» — вдруг подумал Захаров, убедившись, наконец, в том, что Грицко — человек с больной психикой.

Обеспечив надзор за извозчиком, Захаров отправился дальше.

Новая резиденция Пивня оказалась неплохим особняком с мансардой и садом в переулке Листопада. Разыскав, Захаров, однако, не стал заходить в дом, а прошёл дальше: обстоятельства показывали, что Пивень — такой тип, с которым нужно ухо держать востро.

Следователь выяснил в книге заведующего домовым хозяйством квартала, что действительно в известный следователю день в данный особняк въехал новый жилец, назвавший себя Миколой Довганюк. И никакой — ни старой, ни молодой жены — с ним не было...

На мощёные серые улицы Галичина легли сумерки, когда Пивень-Довганюк вышел из своего особняка. В прохладу июльского вечера

бесчисленные галичинские сады и цветники источали аромат, накалённые за день солнцем камни — зной. Остап-Микола был без пиджака. Его мускулистый торс с покатыми плечами прикрывала вышитая украинская рубашка с тесёмочками на вороте.

Выйдя на Политехнический проспект, Пивень начал останавливать проезжающие мимо машины. Захаров всполошился: этого он не предвидел и сам был без автомобиля. «А вдруг сядет в машину и тю-тю — поминай как звали!» Допустить это было невозможно. А тут, как на зло, идущего позади Соболя остановил комендантский патруль! Но медлить нельзя. К счастью, первая машина не остановилась, но вторая... Следовательно решительно подошёл сзади к Пивню:

— Остап...

Пивень машинально оглянулся на этот тихий, вкрадчивый голос за своей спиной и, увидев офицера, чуть отпрянул. Захаров усмехнулся:

— Зачем же оборачиваетесь? Ведь вы же не Остап, а Микола. Не так ли?..

Тёмные глаза офицера блеснули из-под козырька фуражки.

— Заложите руки за спину и — шагом марш вперёд. Я буду говорить, куда сворачивать, — тихо, но властно приказал следователь.

Пивень уколол офицера взглядом и молча подчинился. Идя позади, на расстоянии двух шагов от задержанного, Захаров не спускал с него глаз. Готовый ко всяким неожиданностям, офицер старался упадать: вооружён в данную минуту бандит или нет? Захарову не

хотелось привлекать внимание посторонних обыском Пивня при задержании, да одному, без Соболя, было и небезопасно это предприятие.

Миновав Политехнический институт, следователь и конвоируемый свернули в пустынную улочку — идти по людным местам Захарову, естественно, не хотелось.

В конце квартала Пивень резко обернулся и, выхватив пистолет, направил его на офицера. В глазах бандита сверкнули ненависть и злорадство. Но не успел он нажать на спуск, как почувствовал одновременно удар, рывок и острую боль сломанного спусковой скобой пальца — пистолет переместился в руку офицера и торчал из неё рукояткой вперёд.

— Кажется, я повредил вам палец? К сожалению, сие есть неизбежный результат этого приёма, — с холодной вежливостью улыбнулся Захаров, пряча в свой карман пистолет бандита. — У вас больше никакого оружия нет?

Со сломанным пальцем бандеровец был уже не опасен: Захаров ощупал пазуху и карманы брюк Пивня, извлёк из них ключи, перстень-печатку и документы. И уже без улыбки скомандовал:

— Марш! И без этих, знаете... фокусов!

Пивень заскрежетал зубами и медленно зашагал. Завернув за угол, они вышли на Сикстутскую и направились вниз в прежнем порядке: Пивень впереди, офицер — чуть сбоку и сзади. Только бандит уже не держал руки за спиной, а поддерживал левой правую.

Навстречу им, натужно гудя мотором, под-

нималась большая, тяжело гружёная трёхосная машина.

— ..Ты бы меня о смерти, как о милости просил! — брызжа слюной, шипел Пивень. И вдруг повернулся, лицо его было перекошено, зубы лязгали, глаза горели сумасшедшей злобой: — Что, думаешь, взял меня? Не-ет, меня не возьмёшь!.. — и прежде чем Захаров успел хоть что-нибудь сообразить, матёрый бандит с размаху бросился под задние колеса грузовика.

«И надо же дожить до такого... как собака... под колёса... сам...» — только и подумал не ожидавший такого исхода дела следователь. Захаров вдруг вспомнил акт злобного самоубийства скорпиона...

...Было уже совсем темно, когда отобранными у Пивня ключами следователь открыл дверь особняка в переулке Листопада.

Осмотр и обыск помещения показали, что смерть поджидала Никитина в стенах именно этого особняка. Следы были тщательно уничтожены. Только кипа журналов «AS» была, видимо, забыта и лежала на небольшом столике с альбомами между лампой и пепельницей. Журнала за номером сорок четыре не оказалось.

Расставив людей по местам, Захаров потушил свет и снял с окон глухие занавески. Началось томительное ожидание. Следователь знал, что рано или поздно кто-нибудь из «своих» да придёт к Пивню, но хотелось, естественно, чтобы это произошло поскорее.

«Конечно, придут, если... если только кто-то из них не заметил хотя бы одного из трёх мо-

ментов: задержания, обезоруживания или броска Пивня под автомобиль», — думал Захаров, полулёжа на диване у оконной стены.

Время тянулось медленно. Пройдя в уборную, следователь зажёл там папиросу и, держа её в кулаке, вернулся на своё место. Но курение в темноте почему-то не доставляло следователю никакого удовольствия. Захаров коротал минуты, вспоминая подробности полученного вечером от полковника «разноса» за Пивня, и, смущённо улыбаясь, представлял себе шагающего по гостиничному номеру начальника и себя, стоящего навытяжку. Насытая этим не очень приятным воспоминанием, Захаров принялся обдумывать свой путь в том случае, если никто не придёт в особняк Пивня.

С улицы, откуда-то издалека, донёсся оклик патруля, топот, выстрел. «Много ещё этой дряни гнездится в Галичине», — вздохнул следователь.

Неожиданно раздался лёгкий стук в окно. Накинув на плечи гражданское пальто, сержант Гарбуз, ростом и фигурой похожий на Пивня, вышел в прихожую и, не тая мягких шагов, приблизился к двери.

— Кто? — шёпотом спросил он.

— Телеграмма, — отозвались из-за двери.

Гарбуз на долю секунды замешкался, но тут же вспомнил, как надо увильнуть от условного отзыва: открыв «глазок» в филёнке двери, сержант приставил глаз и, как бы узнав посетителя, молча открыл дверь, оставаясь сам в тени.

— Проходи...— неразборчиво, как бы со сна, буркнул он, указав вошедшему на комнату, и стал тщательно запира́ть дверь.

Войдя за гостем в комнату, «хозяин» повернул выключатель. Маленький шуплый челове́чишко изумлённо вытаращил круглые глазки.

— Доброй ночи! Проходите, пожалуйста,— любезно встретил его молодой офицер.

Его преосвященство был совсем плох. Болезнь лишила могущественного львовского митрополита возможности удрать с друзьями-гитлеровцами. Освобождение Украины советскими войсками вроде как бы доконало главу греко-католической унии: его преосвященство имел все шансы, минуя своё непосредственное начальство в лице монсиньора Пачелли, то есть папы Пия XII, явиться без доклада прямо к всевышнему, чего с минуты на минуту и ждали: сам митрополит — со страхом и явным нежеланием, а его приближённые — с нетерпением.

Холодеющие ноги были укутаны пледом, — митрополит полусидел на взбитых подушках. Пожалуй, сейчас в этом измождённом болезнью, пожелтевшем старце едва ли кто-нибудь узнал бы бывшего блестящего офицера кавалерии императора Франца-Иосифа I, юного графа Андрея Шептицкого, в своё время расчётливо сменившего мундир и тяжёлый палаш на чёрную сутану и серебряный нагрудный крест ватиканского священнослужителя. Много лет прошло с того времени, и теперь только мозг, глаза да лежащие поверх одеяла тонкие

холеные руки сохранили жизнь. Но ещё в 1900 году эти руки цепко схватили престол львовского митрополита (а с ним — и горло духовно подданных украинцев), и, пока ясен мозг графа, они ни на минуту не упускают схваченного.

Пользуясь бессонницей, Андрей Шептицкий днём и ночью вершит дела. Духовный пастырь чувствует близость своей кончины, но не о себе, а о своём «долге» печётся он, отдавая каждую минуту неусыпным заботам о пастве и унии.

И сейчас его немалый «штаб» на Святоюрской горе лихорадочно деятелен. Европу содрогают огромные события, и у западноукраинских святых отцов немало хлопот. Ведь духовный «штаб» его преосвященства руководит и занимается не только обращением к богу наивных душ — отнюдь нет. Сюда издавна тянутся незримые нити от многих промышленных и финансовых магнатов Европы и из-за океана, из некоторых правительств, из гестапо, интеллиджен-сервис, Си-Ай-Си и многих им подобных «богоугодных» учреждений. И, конечно, главная нить намертво связывает святоюрскую обитель с Ватиканом, ведущим свою крупную политическую игру.

Какие бы события ни потрясали с годами Европу, с каким бы треском ни рушились некоторые границы, государственные политики и политические деятели, министры и целые кабинеты, — нити эти оставались незыблемо прочными.

В свою очередь и из «штаба» Шептицкого в разные стороны тянутся тысячи нитей оперативного «духовного» руководства. Этими

нитями, подобно марионеткам, приводятся в движение сотни самых различных по своему облику и характеру действий исполнителей «воли всевышнего», — начиная от благообразных интеллигентов и кончая террористами — бандитами ОУН.

И вот сейчас, где-то на промежуточной инстанции между последними и его преосвященством, в покоях старинного дворца, седобородый мужчина в долгополом сюртуке чёрного кастора спросил своего собеседника:

— ...А как, отец Александр, этот заблудший еретик-журналист?

Сидящий против него на стуле священник, высокий, крепкий, с заметными под чёрной шёлковой сутаной мускулами, сохраняя достойную военную выправку, склоняется в поклоне.

— Он был одержим кощунством, и вот его... скоропостижно скончался без покаяния, — смиренно ответил отец Александр.

— Справедливо. Но святая церковь и я недовольны вами, отец Александр. В числе избранных вам поручено особенно богоугодное дело, а вы работаете хуже других. Да, да, — хуже. Крестом и мечом — вот святой девиз, начертанный непогрешимым папой на знамёнах греко-католической церкви сегодня. А где ваш меч, отец Александр? Всего три-четыре акта святого мщения. Мало. Очень мало.

— Но они бдительны! И защищают народ. Господа пролетарии верят им и льнут...

— А вы что же, не в состоянии перехитрить врага? Тогда снимайте сутану и идите в нищие. Или боитесь?.. Карать! Беспощадно ка-

рать предавших церковь! — тяжело задышал мужчина в сюртуке.

— Что я ещё хотел сказать вам, отец Александр? — немного успокоившись, тихо произнёс он. — Да, вы не проникательны. Союзникам России можно доверять, и вы прислушайтесь к тому, о чём говорит этот молодой посланец Штатов. Не беспокойтесь, без санкции ЧИП¹ он не явился бы к нам. О переговорах информируйте меня ежедневно и ничего сами не решайте.

Отец Александр почтительно поклонился.

— Но он очень неосторожен и самонадеян: ничего не выяснив, сразу пришёл по старому адресу явки, да ещё удивляется, зачем ОП, — известный вам Остап Пивень, — сменил квартиру. Нет, янки явно и слишком недооценивает врага.

— Это уже вы сами ему объясните. Кстати, советского штабного работника завербовали? Учтите, сейчас это особенно важно и для ЧИП и для стратегической службы американцев, — напомнил священнику его наставник.

Отец Александр вздохом всколыхнул чёрный шёлк сутаны; он надеялся, что его начальство не коснётся этого неприятного вопроса.

— Нет ещё.

— И этого не можете? Кажется, вы рискуете потерять мою к вам расположенность. Почему не завербовали?

¹ ЧИП — официально — католическое прессагентство Ватикана «Чентро информационе про део», фактически — отдел огромного штаба папы Пия XII, ведающий шпионской сетью отцов-иезуитов во всех странах.

— Он уже у нас, — сладчайше улыбнулся отец Александр, — третьи сутки.

— Зачем же так долго? Это совсем лишний риск.

Отец Александр снова замялся.

— У него очень строптивый характер...

— Купить!

— Не соглашается...

— Сломать!

— Да вот и ломаем. ОП при нём продемонстрировал на его спутнике-солдате, что ожидает тех, кто противится святой церкви. Не помогло. Но сегодня с этим делом будет покончено. Вчера нам удалось переправить русского из квартиры в подвал.

— Кончайте. И — действуйте, действуйте, действуйте, отец Александр! А сейчас — с богом. Слава Иисусу Христу!

— Аминь!

Седобородый поднял руку, махнул крест-накрест длинными пальцами. Отец Александр подхватил их и, приложась губами, бережно опустил. Придав лицу страдальчески-почтительное выражение и приподняв полы сутаны, отец Александр бесшумно вышел из покоев. Чёрный лимузин с флажком унии на радиаторе вылетел из ворот дворца.

Машина мчится по асфальту шоссе. У въезда в Галичин вырастает фигура советского автоматчика — он поднимает флаг и, резко опустив его, указывает место остановки.

Машина останавливается. Лейтенант и два автоматчика подходят, проверяют документы. Поднимается полосатый шлагбаум. Отец Александр серебряным крестом благословляет

воинов, и машина с места берёт ход. Солдаты смеются.

Пролетев по безлюдным вечером улицам Галичина, лимузин останавливается у ворот серого, скромного с виду дома, примыкающего к греко-католическому храму.

...В жилых покоях отца Александра — благолепная тишина и лампадный полумрак. Прислуга давно отпущена — в доме безлюдно, лишь внизу чутко спит верный страж отца Александра, Сигизмунд. В эту ночь он никого не впустит без личного разрешения отца Александра — никого, кроме Стася, которому назначено. Стась — доверенное лицо, член ОУН и служитель храма: он знает, как пройти к отцу Александру.

Наскоро приняв ванну и с аппетитом поужинав, отец Александр входит в свою опочивальню; мнёт простыни и подушки на приготовленной постели и открывает один из двух примыкающих к стене шкафов. Сдвинув в сторону висящие на плечиках разномастные сутаны и цивильное платье, отец Александр нажимает потайную кнопку. Затем толкает заднюю стенку шкафа и идёт через него.

Закрыв за собой наружные дверцы шкафа, священник спускается по каменной лестнице и, миновав подземный коридор, упирается в дверь. Толкнув её, отец Александр входит в ту часть храма, где никогда не бывали прихожане.

В подземной комнате тепло и даже уютно. Не хватало только окон, да воздух чуть-чуть отдавал затхлостью. На электрической плитке кипел большой кофейник, на столе в беспор-

рядке стояли банки и тарелки с разной снедью, стаканы, бутылки.

На диване, прикрыв ноги коричневым клетчатым пальто, спал молодой человек. При входе отца Александра он вздрогнул и рывком потушил лампу, что стояла на столике у дивана.

— Так ведь верхний-то свет горит, — усмехнулся отец Александр.

— Тьфу ты чертовщина! Спросонок я вас чёрт знает за кого принял! — сконфузился тот и сразу потянулся к бутылке. — Слава Иисусу Христу! Тяпнем по стаканчику божьей кровушки, отец? Или вы уже причастились?

— Не упоминайте имени господа бога всуе, — нравоучительно заметил отец Александр.

— А, бросьте!.. Что вы так долго? Я уже стелить себе собирался.

— Не торопитесь, сын мой. Скажите лучше, как этот, — отец Александр кивнул на дверь, ведущую в другой подвал.

Молодой человек нахмурился.

— Никак. Упрямый, чёрт. Я ему десять тысяч долларов пообещал — ни в какую! Ну, ничего: Пивень придёт — поговорим иначе...

— ОП не придёт больше, а будет информировать через Стася. Довольно рисковать. Один раз я отступил от правила — хватит. Он пришёл в себя или всё валяется? — отец Александр снова кивнул на дверь.

— Валяется. Только не там. Мы с Сигизмундом унесли его наверх, в пустую ризницу. Окон там нет, и холод собачий, как

зимой: очухается скоро. Я велел Сигизмунду раздеть его.

— Бог мой! Ризница же не запирается!

— Не упоминайте имени господа бога всуе.— Я припёр дверь каким-то распятием.

Отец Александр опустил на стул и долго смотрел на молодого человека.

— Нет, вы положительно невозможны, сын мой, — вздохнул он. — То среди бела дня пошли прямо на старую квартиру Пивня, от туда — ко мне в храм. Я просто удивляюсь, как это вы сами не влетели да нас не подвели под удар. А теперь тут вот начинаете развлекаться. Нет, вы уж, пожалуйста, прекратите это легкомыслие.

— Бросьте, отец! Вы просто трус.

— Не трус, сын мой, а осторожен. Вы ещё не знаете русских, а я с ними знаком уже тридцать лет... Однако долго что-то не приходит в себя этот русский. С виду парень вроде здоровый. Может, голова слабая или притворяется? Пойдёмте, надо водворить его обратно. Вообще пора кончать это дело. Ну и время! Самую чёрную работу своими руками приходится делать. Стал бы я год назад пачкать руки о какого-то старшину. А теперь и это — улов. Ну, ничего, подождите, вот развернёмся... Пошли.

— Погодите, ведь сейчас должен прийти со сведениями от Пивня. И как вы, отец, допускаете, чтобы в этакое время господин Пивень по двое суток ни черта не сообщал о себе?

— Пивень опытный работник, преданный нашему святому делу. И осторожен.

— А где же ваш Стась болтается до сих пор? Тоже осторожен?

— Тоже. И я советовал бы вам не забывать, что мы имеем систему, которая спасает нас от провала: Стась должен увидаться с агентом А, тот — с Б, тот — с В, В — с Пивнем, и таким же порядком сведения Пивня идут обратно, причём каждый агент знает только двух других и то не всегда. Вот как.

— Ну, это правильно. Нас тоже так учили. Ага, вот и Стась!

Дверь, через которую вошёл отец Александр, открылась, и на пороге показался Стась. Лицо его было бледно, и весь он имел вид побитой собаки.

Стась делает шаг вперёд, и за ним в тайной комнате появляется молодой советский офицер.

Собеседник отца Александра укрывается за широкой спиной духовного пастыря и, выхватив пистолет, целится в офицера. Зубы молодого человека лязгают, рука дрожит, но он быстро нажимает спуск — раз, другой, третий — офицер стоит, как Ахилл. «Проклятье!» — в ужасе кричит молодой человек и швыряет свой пистолет на пол. Отец Александр стоит, как изваяние.

— Руки вверх! — командует офицер.

Из широкого рукава сутаны в ладонь отца Александра скользит тёплый браунинг. О, нет! Духовный пастырь никогда не забывает снять предохранитель, как этот болван янки.

— Руки вверх! — повторяет офицер.

Отец Александр медленно поднимает руки. Когда они почти выпрямились над головой,

отец Александр отпускает подкладку, широкие рукава сутаны спадают к плечам, и — трах! — гаснет разбитая выстрелом лампа под потолком. Пастырь наугад делает ещё два выстрела — тьму раздирает чей-то вопль. Священник поворачивается и бросается к другой двери, ведущей наверх, в храм. Но тут же натывается на что-то мягкое и вместе с ним кубарем летит, выронив браунинг. «А, мерзавец!» — рычит духовный пастырь и, схваченный руками солдат, бьёт сапогом в освещённую фонарём физиономию американца.

Всё это происходит в какие-нибудь две секунды.

Зажигается настольная лампа. Офицер разыскивает на полу фуражку. Тут же дёргается в конвульсиях и затихает простреленный пастырем Стась. Солдаты связывают и рассаживают спиной друг к другу американца и отца Александра.

Захаров распахивает дверь темницы старшины Курского — она пуста. Открывает вторую дверь — выход в храм.

— Обыскать церковь! — приказывает следователь.

Солдаты сразу же замечают припёртую тяжёлым распятием, но чуть приоткрытую дверь ризницы.

Следователь со своими помощниками обшаривают каждый уголок церкви, но старшины нет нигде. Окна высоко и целы, двери заперты, Захаров хмурится: «Неужели...»

«Вот он, наверное, где!» — догадывается следователь, заметив маленькую, тоже чуть приоткрытую дверку. За ней — лестница. По-

тянув за руку офицера, Соболев на всякий случай первый втискивается в узкий проход.

...По крутой каменной лестнице карабкается раздетый человек. Тело его избито, покрыто ссадинами, один глаз заплыл багровой опухолью. Но это пустяки по сравнению с мучительнейшей жаждой, которая сжигает все его внутренности, отбирает силы.

Кружится голова, единственный глаз застилает фиолетовая пелена, кажется, что ноги и руки вот-вот откажутся повиноваться. Но нет, не для того, чтобы пасть духом в последнюю минуту, более суток разыгрывал он из себя обморочного, не дрогнув ни одним мускулом, терпел страшные пытки! Нет, надо спешить — оставалось совсем немного... Но что это, никак уже спохватились: шаги, голоса...

— Курский! Старшина! — гулко раздаётся в каменной спирали лестницы чей-то голос.

Силы старшины удесятерятся. Молча, не отзываясь, он торопился вверх, скорей, скорей!

— Курский! — снизу доносятся шаги — торопливые, нагоняющие, беспокойные. Вот они уже совсем близко. Но чем ближе погоня, тем твёрже становится воля, тем бодрее делается избитое, непослушное тело. Курский подымается на ноги.

Шаги уже совсем рядом.

— Курский!

— Есть, Курский! — хрипит он и, злобно толкнув вниз попавшийся на пути камень, делает последний бросок и вылезает на площадку колокольни. Он злорадствует, правда, сознание его работает плохо и весь он в каком-то исступлении, но — он победил!

— Курский? Что вы? Это мы, свои!

Из-за поворота лестницы показывается какая-то расплывчатая, зыбкая фигура.

— Не-ет, провокатор, врёшь! — торжествующе смеётся старшина и с грохотом опрокидывает тяжёлую крышку люка. Закинув щеколду запора, он поднимается, высовывается из колокольни и бросает в спящий город хриплый, громкий в утренней тишине крик:

— Э-ге-эй!..

И только когда патрули подтвердили старшине снизу, что в церкви и на лестнице — свои, Курский открыл люк.

А через час после этого он уже дал следователю первое показание и сообщил, как был с солдатом Никитиным заманён провокаторами в особняк в переулке Листопада, как их уговаривали продать Родину, как затем на его глазах Остап Пивень пытал Никитина, как солдат, не стерпев пыток, стал кричать: «Не поддавайся сволочам, Вася!», и как разъярившийся садист-оуновец прикончил Никитина, а его, старшину, избили, усыпили и перевезли в шкафу на тачке в церковный подвал.

Но всё это было лишь уточнением схемы того тайного лабиринта, который уже был найден и пройден капитаном Захаровым — военным следователем с тонкими чертами лица и пальцами пианиста.

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ

Глубокой ночью в радиохаосе эфира советские связисты-«слухачи» поймали коротенькую кодированную радиограмму. Истинное содержание радиограммы оставалось неизвестным, так же, как и то, что принята она была в Белграде и немедленно вручена некоему лицу, которое ещё за полчаса до её поступления беспокойно поглядывало на часы и, барабанив пальцами по столу, ожидало радиодепешу. Лицо это держалось в тени и будто бы в стороне от великих событий войны, но в действительности являлось немаловажной и влиятельной персоной.

Получив радиограмму, человек удовлетворённо вздохнул, усмехнулся и нажал незримые кнопки управления тайной организацией отнюдь не демократического направления. В результате этого советское командование получило дипломатически-почтительную претензию по поводу возмутительного происшествия в только что освобождённом советскими войсками югославском городке.

А случай действительно из ряда вон выходящий.

Город был взят обходным манёвром, части Советской Армии вошли в него без боя. Война пощадила жилые дома, улицы, сады и весёлый бульвар: просто фашисты не успели разрушить и сжечь всё это.

Город ликовал. Его обитатели запрудили улицы, восторженно встречая армию-освободительницу.

Люди ещё помнили вступление в их городок фашистских полчищ — завывание флейт, рябь штандартов и гусиный марш детоубийц со свастики на рукавах.

Советские войска входили без шумихи и помпы. Они шли мерным, спокойным и мощным шагом. В таких же, как у солдат, походных, опалённых в боях гимнастёрках, офицеры вели свои подразделения. Солдаты шли радостные, гордые, но лица их не скрывали ни усталости, ни тяжести пережитого. Ничего яркого, кричащего, помпёзного. Оружие, боевые ордена да белые бинты раненых. Это шли герои, труженики войны.

Их целовали, они пожимали сотни протянутых рук, брали на руки детей, и счастливые матери смеялись от радости. Офицеры и солдаты несли охапки подаренных им цветов.

Генерал приказал расчехлить знамя. В лучах заходящего солнца оно вспыхнуло заревом боёв и кровью погибших воинов.

Так входили в югославский городок советские войска.

Наконец части, предназначенные на отдых в этом местечке, расквартировались.

Со всех сторон только и слышалось: рус-

ский солдат... товарищ... коммунист... советский человек...

Казалось, в городе не найдётся человека, который не был бы искренне счастлив освобождением от фашизма. Но настал вечер и...

* * *

— Тубо, Ральф, иси!.. Сильвупле, мон шер! Дог послушно вернулся к ногам хозяина и только глухо ворчал, пока тот вежливо пропустил гостя вперёд.

— Что это вы, даже с псом стали изъясняться по-французски? — насмешливо спросил гость.

— Время такое: на немецком не заговоришь, да и английский у нас не очень жалуют. «Бережёного и бог бережёт» — есть у русских такая пословица...

— Да, но они больше придерживаются другой пословицы: «На бога надейся, а сам не плошай». Зажгите свет.

Хозяин затворил дверь, вынул из замка ключ и, задёрнув наглухо портьеры, повернул выключатель. Гость снял потрёпанную шляпу, такой же засаленный пыльник и оказался элегантным молодым брюнетом с классическим пробором над виском.

— Приехал? Здесь? — отрывисто поинтересовался он у хозяина.

— Здесь. Сейчас приведу.

Хозяин вышел из комнаты. Было слышно, как ступени какой-то лестницы, ведущей, вероятно, на мансарду, закрипели под тяжестью его низкорослой, но объёмистой фигуры.

Гость внимательно оглядел комнату, мягкую, обитую дорогим штофом мебель, роскошный,

резной работы, письменный стол, хрустальные электроканделябры и библиотеку, занимавшую две стены.

— Рекомендую... — вернувшись в кабинет, представил хозяин гостю своего спутника, молодого человека в костюме «гольф».

— Вы беседовали с Беларковичем лично? — спросил гость молодого человека.

— Нет, — ответил тот. — Путь был трудным. Я опоздал на один день. Во вторник он передал всё через Джорджа, который был у него.

— Мне, как здешнему уроженцу и гражданину, дано указание работать по пропаганде и агитации, для чего использовать вас, так сказать, в порядке обмена опытом...

— Хватит! — хлопнул ладонью о подлокотник кресла брюнет. — Ещё ни чёрта не сделали, а уже говорите об опыте. Самонадеянности много! Так вот: работать вы будете с нами, на нас и под моим началом. Да-да, оба! — повернулся он, отвечая на удивлённый жест хозяина. — Хватит вам быть пассивным резидентом. И не пытайтесь влиять! Ваши наци свою роль сыграли. Теперь на сцену выходим мы. Итак, этого долгополого вы уже подготовили? — уже мягче спросил он хозяина.

— Конечно. Это ж была моя идея, — обиделся хозяин.

— Не спорю. Но её осуществление проведу лично я...

Ночью, в половине третьего, в маленький домик сторожа, примыкавший к церкви, постучали — громко, настойчиво. Сторож проснулся

и подошёл к двери, наспех натянув брюки и шлёпая туфлями.

— Кто?

— Откройте, — спокойно и властно отозвались из-за двери, — патруль.

За дверью стоял человек, одетый в форму русского офицера. Чуть сзади было ещё четверо. В темноте ночи на плечах стучавшего тускло блеснули две звёздочки.

— Сейчас, сейчас, пожалуйста! — засуетился сторож, щёлкая задвижкой и ключом. — Пожалуйста, заходите.

Патрульные вошли. Офицер оказался высоким, широким в плечах человеком лет тридцати. Один из солдат был такого же роста, что и лейтенант. Левая щека у этого солдата белела свежей марлевой повязкой — наклейкой, которая и привлекла внимание сторожа. Солдат почему-то часто стискивал зубы, отчего на его щеках вздувались желваки.

— Кто здесь живёт? — спросил лейтенант.

— Я и дочь. Двое нас только и есть. Вот здесь мой угол, там — дочери.

Лейтенант распахнул занавеску — на кровати крепко спала девушка лет семнадцати.

— Кто сейчас находится в церкви? — строго спросил он старика, задёрнув занавеску.

— Никого, господин лейтенант. Кому ж там быть ночью — церковь-то заперта.

— Никого? А сигналы фонариком кто с колокольни подаёт?

Сторож оторопел.

— Сигналы?.. Да как же это... Господи, спаси и помилуй! Не должно это... нет там ни-

кого... сам запираю, — растерянно бормотал старик.

— Ладно, ладно. Сейчас посмотрим... А ну, забирай ключи — и марш в церковь!

Страшно испуганный, сторож первый выбежал из дома.

— Пресвятая богородица! Да как же это... да кому ж там быть? — причитал он на ходу.

— Тише! Молчи! — строгим шёпотом одёрнул старика солдат.

По-хозяйски смазанный сторожем, замок мягко щёлкнул — раз, два. В притворе было темно. В зале у чудотворной иконы чуть мерцала лампада. По аскетическим ликам святых бродили тени. Сильно пахло ладаном и воском.

Небрежно осмотрев колокольню и вернувшись в притвор, солдаты увидели ещё две двери?

— А это куда?

Сторож объяснил, что одна дверь ведёт в кладовую, а другая — в подвал.

— Идите туда, — приказал лейтенант высокому солдату.

В подвале было тепло и душно. Патрульные остановились у одной двери — тяжёлой и прочной.

— Что здесь? — спросил высокий.

— Да тоже вроде кладовой. Тут раньше ценности хранили.

— А ну, открой!

Сторож послушно отодвинул щеколду. Дверь скрипнула, и в лицо пахнуло запахом непроветриваемого и запущенного помещения. Маленькая сводчатая конурка была пуста. Сторож

хотел уже повернуться, но, получив толчок в спину, очутился у противоположной стены.

Дверь сзади захлопнулась, и всё стихло...

Когда сторожа из кладовки привели наверх, он не поверил своим глазам: в несколько минут церковь была ограблена и изгажена до неузнаваемости.

Длинными чёрными решётками лежали на полу тени оконных переплётов. В лунном свете лица солдат были мертвенно-бледными. Лейтенант связывал серебро и золото в церковные скатерти.

Выйдя из оцепенения, сторож вдруг ринулся на солдат. Кулак прошёл вскользь по щеке высокого и сорвал наклейку на его щеке. «Звери!» — хотел закричать сторож, но искусный и сильный удар ошелолил его.

Старик очнулся от холода. Полураздетый, он был привязан к плащанице. Противно отдавала потом пилюлька, засунутая до тошноты глубоко в рот.

Резко пахнуло табачным дымом. Грабители сидели близ окна и, тихонько переговариваясь, курили.

Сторож застонал. Лейтенант обернулся и деловито предложил солдату

— Петров! Дай ему ещё раз, чтоб не мычал.

Долговязый с сорванной наклейкой подошёл к сторожу и ударил его по голове.

Решётчатая тень на полу сгустилась, — большая иссиня-чёрная туча заслонила луну.

— Пошли! — скомандовал лейтенант.

Чуть присвечивая синим огоньком фонарика,

трабители быстро разобрали узлы и двинулись к выходу.

— Счастливо оставаться, папаша! — галантно распрощался лейтенант со сторожем. — Смотри, не простудись...

На башне ратуши часы пробили половину четвёртого. С шести часов утра разрешалось хождение по городу. Одиннадцать минут седьмого в комендатуру явился запыхавшийся гражданин Шабец.

— Что случилось? — спросил его комендант.

— Не знаю. Иду я сейчас на базар. Прохожу близ церкви, встречаю племянника. Вдруг слышу — стонет кто-то: тихо, тихо стонет. Прислушался — из церкви! Я своего племянника оставил на том месте следить, а сам дальше уже не пошёл, а повернулся да бегом к вам, сюда...

— Ну, и правильно. Благодарю вас.

В шесть часов шестнадцать минут лимузин коменданта, грузовик с автоматчиками и санитарная машина резко затормозили у церкви. Следом прибежал племянник, которому дядя сделал знак рукой, проезжая мимо в машине коменданта.

У ограды на улице уже стояло несколько человек.

— Никто не входил? — спросил комендант.

— Нет, нет, — ответили одновременно племянник и кто-то из любопытствующих.

Выпрыгнув из кузова машины, солдаты быстро оцепили церковь.

Комендант с дежурным офицером и четырьмя бойцами поднялся на ступеньки. Из церкви действительно доносился сдавленный крик. Дежурный потянул за большую медную ручку двери — она неожиданно легко подалась и открылась.

— Кто здесь,— выходи! — подал он команду в гулкую пустоту церкви.

Ответом ему был только более явственный крик.

Вынув пистолет, дежурный офицер быстро вошёл внутрь и резко принял влево, чтобы не выделяться на светлом фоне раскрытой двери. Следом за ним юркнул солдат и принял вправо. Вошли остальные.

— Опоздали,— осмотревшись, сказал комендант. — Куда? Стой! — вдруг одёрнул он солдата, шагнувшего вперёд.

— Вы ранены? — крикнул он человеку, видневшемуся на плащанице. Тот отрицательно мотнул головой.

Комендант повернулся к солдату.

— Тут и без наших следов Сидоренко работы хватит. Давайте живо дрова и доски. Бегом, марш!

По доскам, положенным на поленья, добрались до плащаницы и вынесли сторожа. Он был в полубессознательном состоянии.

— Недостаток доступа воздуха, — констатировал врач, вытаскивая кляп. — Ещё бы минут двадцать-тридцать, и дело могло кончиться плохо.

Сторожа увезли в госпиталь. Следом уехал и комендант, оставив автоматчиков для охраны места, где было совершено преступление.

«Ночью советскими солдатами во главе с лейтенантом ограблена та самая церковь, которая колокольным звоном и молебном встретила русские войска! Грабители кощунственно надругались над святостью храма и издевались над церковным сторожем!» — как-то подозрительно быстро разнеслась по городу эта зловещая молва.

Жители были поражены. Многие не верили, бежали к церкви — она была уже оцеплена. «Ну, что скажете! Смотрите. Вот вам и большевички!...» — ехидно хихикали в толпе.

В личном кабинете сбежавшего владельца особняка «люкс», в котором разместился политотдел, на своей излюбленной позиции — у окна — стоял полковник Гаркуша. Сбоку от него, в глубине огромного кожаного кресла, поблескивало пенсне полковника Серебрякова. Оба офицера слушали необычного гостя, сидевшего на краешке кресла для посетителей.

Маленький седенький священник, тряся бородкой и шурша рясой, говорил жиденьким, дрожащим от волнения тенорком, переводя скорбный взгляд с Гаркуши на Серебрякова и обратно.

— Великое прегрешение и святотатство сие верующих и неверующих в изумление привели несказанное. Грех-то, грех-то какой, господи помилуй, люди сотворящи! И кто? Воины земли русской, на коих народ взоры свои, яко на святую хоругвь, устремлял, елей души своей и христианской любви изливал безмерно. Ох,

тяжко сие!.. Храм опоганили, ограбили, церковнослужителя в голем виде к святой плащанице привязали, надругались с бесстыдством и жестокостью... Братья по крови, христиане! — тут священник заморгал скорбными глазками и, всхлипнув, полез за платком. — Вот к чему неверие приводит!..

— Спокойнее, — посоветовал священнику Серебряков. — Поступок, конечно, безобразный, и мы сурово накажем виновных, но... излиянием возмущения вы делу не поможете. Расскажите лучше, что вам известно о преступлении: может быть, кто-нибудь обращался к вам перед этим и вызвал подозрение своими вопросами? Вы меня понимаете?

— Сказано вполне вразумительно, токмо по содеянному мне неведомо ничего... А паче от мирских дел отошедший в лоно церкви, я и недоразумел чего, далёк я стал от житейской суеты, так уж прошу не обессудить.

— Нет, нет, что вы, пожалуйста... а только вам не лишне было бы, после такого случая, хоть временно спуститься на землю. Вы смогли бы оказать некоторую помощь расследованию.

— Молиться за успех дела буду денно и ночью, а токмо в сыском деле не искушён и прошу извинить великодушно. Даже в тюремной церкви служить отказывался всегда — по слабости характера. Робости души от одного сурового облика злоумышленников побороть не мог и в трепете удалялся.

— Да вы не так поняли полковника. Вы можете просто услышать что-либо, касающееся

данного дела, и сообщить нам. Вот о чём говорит полковник, — вмешался Гаркуша.

— Простите великодушно! Не умудрил господь сообразительностью. Внимать буду непременно и наставлению вашему последую.

— Ну и прекрасно!

Священник откланялся.

Гаркуша потемнел:

— На какую только гадость не способны эти господа. И как иезуитски сработали, негодяи! Понимаете, полковник, что это значит?

— Не вижу загадки. Политический бандитизм с целью дискредитации наших войск.

— Вот именно. Но это ясно нам — советским людям. А ясно ли вот этому попику? А местному населению? А всем остальным? — Гаркуша вдруг вспыхнул, побагровел: — Чтобы всякая мразь по всему свету разносила такую гнусную клевету на Советскую Армию? Не выйдет! Не допустим! Прошу вас: поставьте на ноги всё и всех, но чтобы через три дня преступники были обнаружены. Перед всем народом будем судить мерзавцев! — с тяжёлой одышкой выкрикнул он последнюю фразу.

— Успокойся, Игнат Васильевич, — встав с кресла, тихо проговорил Серебряков, — помни о своём сердце... Насчёт трёх дней — это ты немного погорячился: то, что в церкви были «ряженные», — ясно, но попробуй найди их так быстро. Дело, прямо скажем, нелёгкое и займёт ли оно день или неделю — сказать заранее нельзя. А что касается мер, то я сразу, ещё час тому назад...

— Знать ничего не желаю, — уже добро-

душно заупряился Гаркуша, — трудно, легко ли — это дело твоё, а мне чтоб преступники были пойманы через три дня. И не успокоюсь, пока не изловите... Ты кого послал? Сидоренко! Вот так и передай ему.

Сделав гимнастику и утренний туалет, Сидоренко «принимал зачёт» от своего бывшего ординарца сержанта Бойкова, решившего тоже стать следователем. Оценив общую подготовку сержанта и серьёзность его увлечения, Сидоренко стал между делом «натаскивать» Бойкова в теории, затем устроил его делопроизводителем в канцелярию Серебрякова. Там юноша ввёл самоподготовку в жёсткую систему и нашёл «шефов» почти по всем специальным дисциплинам. Так, педантичный майор Окунев «тянул» его по вопросам права, полковник Серебряков помогал усвоить советский уголовный процесс, а Сидоренко — криминалистику. Узнав о намерении полковника Серебрякова направить его в военно-юридическое учебное заведение, Бойков стал ещё упорнее готовиться и был счастлив, когда ему изредка разрешали сопровождать кого-либо из следователей при их выездах.

— Всё это верно. А вот главное-то?

Бойков подумал и сконфуженно заулыбался, морща вздёрнутый нос.

— Осмотр места преступления нужно производить по возможности быстрее, как только станет известно о преступлении.

— Во, с этого и следовало начинать.

Телефон прервал «экзамен».

Звонил полковник Серебряков. Он коротко и чётко поставил следователю задачу:

— Отправляйтесь в церковь, что на главной площади. Ночное групповое ограбление. Вероятно, с «демонстрацией» и «ряжеными». Политическое значение этого дела вам, я думаю, понятно. На месте увидите. Если будет нужна помощь, немедленно сообщите. Кроме того, будьте начеку сами, берите с собой двух наших автоматчиков. Вопросы есть?

Бойков замер. По лицу Сидоренко он понял, что тот получает срочное и важное задание.

— Никак нет. К выезду на место готов. Разрешите выполнять? — так же лаконично ответил Сидоренко и уже полуофициально добавил: — Товарищ полковник, тут меня Бойков умоляющим взглядом сверлит, — разрешите?..

— Нет. Впрочем, пусть едет автоматчиком при вас.

Любопытствующих попросили разойтись. Когда Сидоренко, его ординарец Зинченко, автоматчик Кусакин и Бойков вышли из машины, около церкви было уже пусто. Лишь часовой стоял у входа да двое других ходили по периметру изгороди.

Оставив Бойкова с автоматчиком у изгороди, Сидоренко взошёл на паперть и показал часовому своё удостоверение.

— Пожалуйста, товарищ капитан! — отступил сержант и, смущаясь, указал на доску, пересекавшую ступени паперти. — Тут следы есть, так я их прикрыл, может, нужны будут.

Сидоренко осмотрел паперть, сдвинул доску,

внимательно изучил следы и, снова прикрыв их доской, спросил:

— А почему вы обратили на них внимание, товарищ сержант?

Тот, продолжая смущаться, объяснил:

— Я ночью у комендатуры на посту стоял. Ночь была сухая. И утро тоже,— когда мы сюда приехали. А тут следы на ступенях, на камнях. Значит... Ну, и подумалось мне, что тут кто-то в аккурат, когда роса выпала, приходил — иначе как же?

Сидоренко пристально посмотрел на сержанта.

— Вы в погранвойсках служили?

— Так точно — кадровую...

— Спасибо, товарищ сержант!

Войдя в церковь, Сидоренко не мог удержаться, чтобы не воскликнуть: «Молодцы, чёрт возьми!», что относилось, конечно, к действиям коменданта.

— Бойков, идите сюда! — позвал следователь. — Смотрите, запоминайте, анализируйте, только ни к чему не прикасайтесь, не сходите с этих досок и не мешайте мне.

Сидоренко составил план места преступления, нанёс на него всё, что счёл нужным, сделал несколько фотоснимков, записей. Бойков тоже чертил и записывал.

— А теперь, Ваня, помоги мне убрать эти доски, а потом посидишь вот тут.

Сидоренко стал осторожно передвигаться по залу, сосредоточенно, внимательно осматривая всё: пол, стены, предметы церковного «оснащения», рамы окон, двери, взломанные хранилища, кассу.

После этого показал Бойкову винтики, найденные около огромной иконы богородицы, окурок сигареты, подобранный у окна, кляп-пилотку. Сложив всё это на подоконник, следовательно приказал не трогать до его возвращения.

— А теперь ты можешь здесь всё осмотреть, пока я съезжу в госпиталь и поговорю со сторожем, — разрешил Сидоренко и вышел из церкви.

Осмотрев церковь извне, а также всю прилегающую к ней территорию, сарай и домик сторожа, Сидоренко направился к выходу за ограду и увидел священника.

Священник стоял, держась обеими руками за стальные прутья ограды. Он был без шляпы, утренний ветер играл его реденькими, изжелта-седыми волосами, а бледные старческие губы беззвучно шептали не то молитву, не то проклятия грабителям.

Когда Сидоренко проходил мимо, священник поднял на него глаза, полные скорби, и всё ещё продолжал шептать:

— Господи помилуй!.. Что же это... во грехах погрязши, на храм божий святотатственную длань подняли.

— Не волнуйтесь, — Сидоренко замялся, не зная, как назвать церковнослужителя: «гражданин» — как-то неуместно-казенно, а на «товарищ», «батюшка» или «отец» — язык не поворачивался. — Наши люди приложат все силы, и преступники не уйдут от кары, — утешил он священника.

— Да поможет вам мать божья! А от кары злодеи не уйдут, это вы изрекли мудро,—

священник воздел глаза к небу, — от господ никто не скроется, все предстанут на его суд.

Сидоренко сдержал улыбку.

— Насчёт этого ничего сказать не могу: не специалист. А вот перед нашим судом, полагаю, предстанут скорее. Кстати, вы не могли бы мне сказать: что из ценностей похищено негодаями?

Священник назвал много предметов. При этом он не забывал определить степень их достоинства: «златая», «с камнями», «из серебра, позлащённая», но вдруг запнулся и, каюсь богу за своё минутное падение до мирской оценки священных атрибутов, смутился и умолк. Но Сидоренко и не настаивал. Он записал перечисленное и уехал в госпиталь.

Сторож успел уже оправиться от пережитого потрясения и дал подробные показания. Сидоренко поговорил ещё с врачом и вернулся в церковь, где застал Серебрякова, беседующего с Ваней Бойковым.

— Ну что? — спросил полковник следователя.

— Картина ясная, товарищ полковник: «работали» они, «ряженные». И, повидимому, с предварительной информацией, а то и по сговору. Но сторож как будто бы не причастен. В общем пока смело можно утверждать только то, что преступление совершили хорошо знакомые с местностью и объектом пять человек, одетых в нашу форму, но ничего общего с Советской Армией не имеющих. Из них лишь двое говорят по-русски. А вот, кто они, остаётся попрежнему загадкой.

— Никаких нитей не обнаружено?

— Почти что нет. Так, обрывочки, хвостики, предположения. А определённого пока ничего. Намечается одна версия, но прежде чем взять её за рабочую гипотезу, надо хорошенько подумать.

— Н-да... Я здесь тоже осмотрел всё. Срабатывали бандиты квалифицированно. Концы — в воду, и найти их, конечно, нелегко. Однако найти надо! И скидок не будет...

— Я, товарищ полковник...

— Да нет, это я вообще. А начали вы правильно, так и идите. Желаю успеха.

— Спасибо, товарищ полковник!

Уже возле двери Серебряков оглянулся и кивнул на Бойкова:

— А наш «следопыт» ничего, кое в чём разбирается, — и одобрительно засмеялся.

На улице полковник подозвал к себе Кусякина, который сидел с Зинченко у ограды, и тихо приказал ему:

— На время я вывожу вас из подчинения капитану Сидоренко. Возлагаю на вас личную охрану следователя. Что бы он ни говорил, ни на шаг от него. Это мой приказ. Поняли? Самому следователю пока об этом не говорите.

— Ну что ж, «следопыт», нам здесь тоже делать больше нечего, собирайся, — в те же минуты говорил Сидоренко Бойкову.

В этом городке квартирьер отвёл для следователя чистенький одноэтажный особнячок с одним выходом на улицу и вторым — через веранду — в сад. Дома по соседству были заняты людьми полковника Серебрякова. Вернувшись к себе, Сидоренко снял фуражку,

освежил под краном лицо и сел за стол. Он выложил перед собой привезённые из церкви пилотку, окурок, винтики, кое-что ещё и протокол допроса сторожа.

— Ого! — воскликнул капитан, взглянув на часы. — Бойков! Вызовите и проводите ко мне сначала священника, а затем господина Шабца. И попутно отдайте фотолаборанту мои снимки. Скажите, чтобы срочно изготовил всё и в первую очередь — следы ног.

Когда Бойков ушёл, Сидоренко занялся осмотром пилотки, надеясь найти на ней фамилию бывшего владельца или хотя бы инициалы, но ничего подобного не обнаружил. Окурок дал больше: это была сигарета из дрянного ароматного табака, в белой «негаснущей» гильзе с золотым ободком. «Явно, не наша, — подумал капитан. — И не здешняя, и не немецкая... Но чья же?» — этого он определить не мог.

Тихонько заглянув в комнату, Зинченко застал следователя в тяжёлом раздумье.

— Товарищ капитан, а товарищ капитан, обед...

Сидоренко поднял голову, невидяще посмотрел на ординарца и молча опять уставился в прежнюю точку. Зинченко вздохнул и прикрыл дверь.

Но вскоре перед столом Сидоренко выросла фигура Кусакина.

— Посыльный! Из городской управы. Ответ ждёт, — сообщил он на вопросительный взгляд Сидоренко и положил перед ним конверт с лаконичным адресом: «Следователю».

Сидоренко повертел конверт так и этак, по-

жал плечами и открыл. Внутри была записка: «Бросьте. Всё равно никого не найдёте. Не слушаетесь — пожалеете».

Капитан поднялся:

— Где посыльный?

Кусакин молча указал на улицу. Сидоренко прошёл через две комнаты в прихожую, открыл входную дверь: за ней никого уже не было. «Вот, сволочи, обнаглели — ещё и запугивают!» — мысленно выругался Сидоренко.

— Зинченко! Ладно, давай обедать, — вдруг надумал он, не заметив исчезновения Кусакина.

Молчаливый автоматчик вернулся, когда Сидоренко ещё курил послеобеденную папиросу.

— Там и управа-то ещё не налажена.

— А где вы были?

— В ратуше, — неохотно пояснил Кусакин.

— А кто вас туда посылал?

Кусакин с безразличным видом смотрел в угол комнаты.

— Кто вам разрешил туда идти, я вас спрашиваю? Что это за самовольство! — не на шутку рассердился Сидоренко и, отчитав автоматчика, уже мягче объяснил тому, что в дела следователя даже в этом случае нельзя вмешиваться. — Ясно?

— Так точно, товарищ капитан! — бойко ответил солдат, но таким тоном, будто говорил: «Всё равно я его поймаю».

Сидоренко подавил улыбку: Кусакин был хорошим солдатом, но отличался упрямством и главное — редкой, непреодолимой скупостью на слова.

Угрожающая записка была написана на хорошей бумаге нарочито корявым почерком, по-русски и пока что никаких нитей следовательно не давала.

Допрос священника и господина Шабеца тоже ничего нового не принёс: первый смог лишь обрисовать, как выглядела церковь до грабежа, а второй дублировал уже известное от коменданта.

Тем не менее Сидоренко не унывал и даже был весел.

— Ваня! — позвал он Бойкова. — Ну, что мы вынесли из осмотра места происшествия? Только — главное.

Бойков покраснел и начал:

— Первое. Грабёж показательной, «с демонстрацией», — просто грабителям незачем было бы терять время на кошунство, издеваться над сторожем, оставлять открытой дверь. Наоборот: уходя, они обязательно закрыли бы вход, чтобы как можно дольше не обнаружилось преступление...

— Верно. Хорошо. Дальше!

— Второе. Похищены почти все ценности, взломаны хранилища со сложными замками — взломщики «технически грамотные». Ещё — сигарета: грабители были «ряженные»...

— А если б не было сигареты — ты тогда, что же, сомневался бы?

— Нет.

— Почему? А может, сигарета нарочно подброшена?

— Н-не знаю... — смешался Бойков.

— Ну, вот: смотреть ты научился, а «видеть» — ещё нет. Так слушай. Сигарета —

улика: курили все, а окурок бросил один, — забылся. Второе — хранилища взломаны действительно «грамотно», но лишь те, в которых что-то было. Пустые не тронуты. Вывод: преступники заранее знали, где что лежит. Эти детали надо замечать... Третье — винтики, которыми было привинчено к доске иконы золотое сияние вокруг головы божьей матери: они не выдраны, а вывинчены, причём с намерением скрыть это. Зачем? Прямой вывод: чтобы, не повредив сияния, снять его, симулируя отрыв. Также симулирован грубый отрыв ценных украшений и на других иконах. Общий вывод: грабили с обдуманном расчётом реализовать награбленное не как драгоценный лом, а как опять-таки дорогую церковную утварь. Ясно? Подумай, куда и кому в таком виде её можно сбыть. И четвёртое: следы на паперти. Ночью было сухо, и преступники следов не оставили. Утром было тоже сухо, и комендант следов тоже не оставил. А кто-то один, судя по всему, выше среднего роста, в очень коротких брюках, шёл по росе, — значит, уже после ухода грабителей, — потом поднялся на паперть, приблизился к двери, но в церковь не зашёл, а вернулся обратно. А дверь была не заперта. В церкви лежал сторож и стонал. Но подошедший не испугался, не побежал, не поднял шума, а спокойно удалился. Вывод: кто-то подходил к двери специально проверить, состоялось преступление или нет. Для чего? Вероятно, для того, чтобы сообщить об этом кому-то ещё. Вот это, да и, пожалуй, пилотка, и есть самое главное для нас. А теперь — за дело. Я и так на тебя пять минут истратил, —

улыбнулся Сидоренко и вышел с Бойковым на улицу.

— ...И тем не менее у нас нет ничего, что отвечало бы на основной для нас вопрос: где искать и кого именно искать? — на ходу пояснил следователь. — Пока что у нас, если мы не придумаем ничего другого, есть три отправные точки, а именно: наклейка на щеке одного из бандитов, пилотка и возможность обнаружения спрятанных где-то ценностей. Однако надо прямо сказать, все эти отправные точки — одна другой ненадёжней...

Сидоренко вдруг обнаружил шедшего за ним Кусакина. Следователь остановился — Кусакин тоже стал, равнодушно глядя вдоль улицы. Повторив такой манёвр, Сидоренко в сердцах погрозил Кусакину и пошёл, уже не оборачиваясь.

В те дни некоторые наши солдаты, особенно любители пофрантить, пользуясь случаем, заказывали в мастерских форменные фуражки, а пилотки нередко оставляли мастеру «на память». К большому неудовольствию Сидоренко, таких частных мастерских в городке оказалось немало. Переходя из одной в другую, следователь спрашивал мастеров, поступали ли к ним такие заказы, не покупал ли кто-нибудь у них оставленные заказчиками пилотки советского образца и куда мастера вообще девают такие пилотки?

Ответы разнились лишь степенью вежливости, а в остальном были стереотипны: да, есть, но никто не покупал.

«Домой» следователь с Бойковым вернулись уже под вечер и ни с чем.

Через минуту явился и Кусакин.

— О вашем поведении мы завтра поговорим,— многообещающе предупредил его Сидоренко. — А вы, Бойков, завтра же отправляйтесь в канцелярию! — и, не взглянув на ужин, ушёл в свою комнату-кабинет, откуда позвонил полковнику Серебрякову.

— Товарищ полковник! Докладывает Сидоренко... Да, ничего, то есть буквально ничего... А я и не вешаю... У меня большая просьба — я с этим делом один не справлюсь: надо срочно запросить «хозяйства» и выяснить, кто из наших военнослужащих сменил на новую фуражку старую суконную пилотку танкиста, не имеющую инициалов, размер пятьдесят восьмой, кант выгоревший, и в какой мастерской оставил пилотку... Да? Спасибо... Конечно, маловероятно, но, может, и клонет... Больше ничего... Обязательно позвоню!

Сидоренко сидел допоздна, строя различные гипотезы. Наконец он потёр виски и вышел. Найдя в кухне кусок холодного пирога, съел его, потом постоял над спящим Зинченко и, махнув рукой, прошёл к телефону:

— Девятнадцатый. Дежурный?.. А-а, доброй ночи, Олег, как дежурство?.. Слушай, ты всё равно не спишь — позвони мне в четыре. Не забудешь?.. Ну и что ж, всё-таки два часа...

Положив трубку, Сидоренко потянулся, быстро лёг в кровать и тут же уснул.

— Зинченко! Бойков! Подъём!..

Пять минут на одеванье, столько же на сборы и вызов солдата вместо Кусакина, кото-

рого Сидоренко в наказание за вчерашние «фортели» решил не брать с собой, — и группа во главе со следователем вышла из дома.

Надев ватную стёганку и подпоясавшись, Кусакин взял автомат, вышел на улицу и... спокойно зашагал вслед за капитаном.

На церковной площади Сидоренко остановил свою группу и посмотрел на часы: четыре тридцать пять.

— Так, — сказал он. — Я думаю, что сторожа мы тревожить не будем. Зинченко, ступайте, подежурьте у его домика: если сторож всполошится, успокойте его, но из сторожки не выпускайте: незачем посвящать его в наши дела. Выполняйте!

Вполголоса, так, чтобы их не слышал солдат, Сидоренко поставил задачу Бойкову:

— Вот вам ключ от церкви. Войдите, закройте за собой дверь, лягте на плащаницу, как лежал на ней сторож, и... сколько на ваших?.. ровно через три минуты застонете с закрытым ртом. Немного погодя повторите стон, открыв рот, а ещё чуть позже — легонько вскрикните. Через короткую паузу повторите всё снова, в том же порядке. Ясно? Идите.

Побродив с солдатом по тротуару, Сидоренко отыскал в потёмках то место, на которое указывал господин Шабец, и остановился.

— А теперь молчите и слушайте, — приказал он солдату.

Автоматчик насторожился. Он ожидал чего-то интересного. Следователь встал позади него, и плотно прислонясь к стене дома, тоже превратился в слух. Шли минуты. Начало светлеть небо. Наконец раздался какой-то звук.

— Вроде крикнули где-то, — неуверенно высказался автоматчик.

— Слушайте, слушайте, — оборвал его Сидоренко и осторожно пошёл к церкви: «Сейчас повторит. Интересно, с какого расстояния слышен стон?»

Но вместо стога следователь вдруг услышал совсем близко от себя выстрел. Затем возню, крик и автоматную очередь у церкви, топанье ног — и всё опять стихло.

Сидоренко стоял, сжимая в руке пистолет, рядом с ним тяжело дышал подбежавший автоматчик с оружием на изготовку.

«Так это он топал», — подумал следователь.

Оба напряжённо вслушивались в тишину. Поблизости кто-то шевельнулся, мигнул фонариком.

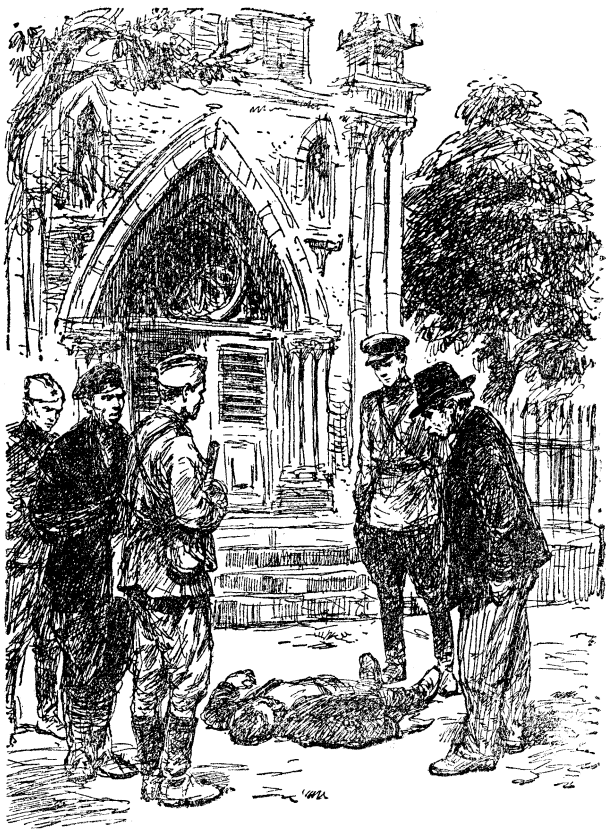
— Стой! Стрелять буду! Ложись! —скомандовал автоматчик и шагнул в темноту.

— Грязно тут, — донёсся вскоре неторопливо-спокойный голос Кусакина, и тут же раздалось — но уже со всех сторон — топанье бегущих людей. «Что это ещё за чертовщина?» — насторожился следователь, но знакомый оклик заставил его опустить пистолет: то были наши патрули.

Через минуту всё выяснилось.

Следуя всё время по пятам Сидоренко, Кусакин заметил ещё кого-то, занятого тем же. Улучив удобный момент, неизвестный покушался убить следователя, но выстрел был предупреждён ударом кусакинского автомата, а сам неизвестный очутился скрученным по рукам и ногам телефонным кабелем.

Зинченко же объяснил выстрелы у церкви.

— Стою я у сторожки, слышу — сержант идёт. Он приблизился, открыл дверь, вошёл... И тут же — опять шаги. Притаился — нет, тихо всё. «Послышалось», — думаю, но сам не шевелюсь. А стою-то недалеко от угла церкви, и вижу, как большое окно, что в боковой стене, чуть засветилось. Тут, значит, Бойков застонал, вскрикнул, а я стою и смеюсь про себя на огонёк. «Наверно, — думаю, — сержант сдрейфил маленько и свечку зажёг». Вдруг — опять шаги, и вижу на окне тень: кто-то в гражданском в окно заглядывает. Тут в вашей стороне выстрел, — этот, в гражданском, как услышал, тоже пистолет поднимает, а я ему: «Стой! Руки вверх!» Он бежать, а я ему вдогонку — р-раз — и готово!.. И тут я сообразил: дверь-то Бойков за собой запер, этот поцарапался, аннет, не войти. Тогда и решил у двери ждать, а потом, наверное, через скважину свет заметил и — к окну...

Пока суть да дело — рассвело. В убитом наповал у церкви сторож быстро опознал одного из участников вчерашнего ночного «визита».

— А этот? — Сидоренко указал сторожу на задержанного.

Старик внимательно всмотрелся в хмурую физиономию с оттопыренной, как у карася, нижней губой и решительно мотнул головой: «Нет».

— Рассыльный, — сказал следователю Кусакин.

— Какой рассыльный? — не понял Сидоренко.

— Из горуправы, — лаконично пояснил автоматчик.

При убитом и у задержанного ничего, кроме пистолетов, не оказалось. Но результатом произведённого следственного эксперимента Сидоренко был доволен и «домой» возвратился в том расположении духа, когда работаете с особым подъёмом.

В отведённом ему особняке Сидоренко крепко пожал руки солдатам — своим помощникам. Зинченко — молча, Кусакину — со словами: «Спасибо, Кусакин! Ну что ж, как говорится,— кто старое помянет... Однако впредь, когда я не разрешаю, за мной не ходите. Взыщу строго! Ясно?»

Кусакин промолчал.

На все вопросы следователя «карась» только тарашил глаза, потом вдруг заявил, что на убийство «зелёного чёрта» его послал Саваоф, меланхолично сжевал промокашку, запил её чернилами и, видя, что следователь с ироническим любопытством выжидает, что будет дальше,— запел псалмы. «Ничего, вот припру тебя фактами,— иначе запоешь, собака!» — решил про себя Сидоренко.

— Люблю хорошее пение, — мечтательно вздохнул он. — Зинченко! Отведите этого «Карузо», потом дослушаю,— приказал Сидоренко и отправился с докладом к полковнику.

От Серебрякова следователь вернулся очень скоро и в прихожей обнаружил подтянутого ефрейтора в новенькой фуражке, тщетно пытавшегося втянуть Кусакина в разговор.

— Я уже знаю о вас, — перебил ефрейтора следователь, — идёте...

Сидоренко получил ценные сведения: опознав свою, положенную перед ним пилотку,

ефрейтор сообщил следователю, что он, ефрейтор, оставил пилотку в мастерской маленького, толстого и весёлого шапочника.

Взяв «на прокат» новую фуражку, Сидоренко отпустил солдата, снабдив его на время собственной пилоткой. Сам собрался в мастерскую. Но его задержал приход сопровождаемого солдатом комендатуры вихрастого черноглазого мальчишки. Очень боясь опоздать к открытию мастерской, подмастерье торопливо рассказал, что был вчера свидетелем разговора следователя с мастером и что маленький толстый весельчак обманул господина русского офицера: за день до того шапочник продал штук шесть пилоток администратору здешнего театра.

Запротоколировав показание, Сидоренко поклялся мальчику, что не выдаст его, и подмастерье умчался. «Вот так неожиданная удача! — обрадовался Сидоренко. — Но почему толстяк скрыл продажу? Просто побоялся «впутываться» или... Тогда он и сейчас от всего откажется. Ничего, сделаю так, как решил».

Занятый обдумыванием своих логических выводов, предположений и намеченных тактических действий, Сидоренко на полдороге вдруг хлопнул себя по лбу. «Ах, ты, чёрт, как это я...» — спохватился он и, повернув обратно, наткнулся на Кусакина. «Опять он... хотя, — на этот раз я же ему не запрещал, — усмехнулся Сидоренко. — А что, если...» — и, объяснив автоматчику предстоящую задачу, следователь попросил Кусакина честно сказать, сможет ли он её выполнить или нет.

— Понимаете: меня он, наверное, запомнил и, конечно, не откроется,— пояснил Сидоренко.

Кусакин подумал, затем молча взял у следователя фуражку ефрейтора и решительно зашагал вперёд. Мастерская только что открылась. Кусакин вошёл внутрь.

— Пожалуйста, господин солдат! Чем могу служить? — сладенько встретил Кусакина хозяин.

— Фуражку. Заказать.

— Ради бога! Пожалуйста, я вам любую...

— Нет, чтобы точно, как вот эта. Вы шили?

— Дайте, пожалуйста... Конечно, я! Такие фуражки только я один и могу сделать. А, какова! Да вот, кстати, и меточка моя... Пойдите, куда же вы, господин солдат? — опешил толстяк, когда Кусакин молча направился к двери. Но тут она открылась, и вошёл улыбающийся Сидоренко.

— Доброе утро, господин мастер! Как спалось? Вы мне вчера забыли рассказать, кому всё-таки вы продали вот эту пилотку, а?..

Администратор, элегантный брюнет с классическим пробором и нагловатым лицом, чертыхаясь и кипятясь, возмущался задержанием его особы. Он решительно заявил, что не покупал никаких пилоток в мастерской, и порывался уйти, но ему не дали, и он сел на стул с видом оскорблённого достоинства.

— А вы не обижайтесь, гражданин Деднер,— миролюбиво заметил Сидоренко и вдруг пристально всмотрелся в причёску администратора: — Ай-ай-ай, кто же это вас так подстриг?

Разрешите...— Сидоренко быстро наклонился и отрезал с головы «гостя» торчащие волоски и пригладил причёску. — Вот так, теперь хорошо,— не замечая удивления администратора, мило улыбнулся следователь.

— Товарищ капитан, вызванный прибыл! — доложил Зинченко и вышел, «прибрав» со стола следователя пепельницу с остриженными волосами.

В кабинет вкатился весёлый толстячок.

— Вы знакомы? — обратился к нему Сидоренко, указывая на Деднера.

— Почти. Так сказать, буквально шапочное знакомство. Этот господин на днях купил у меня пилотки.

— Так. А вы знаете этого гражданина? — обратился следователь к администратору.

— А он кто — принц датского короля? — вызывающе нагло бросил тот в ответ.

— Он шапочный мастер,— спокойно пояснил следователь.

— А-а... нет, первый раз вижу.

В дверь просунулся Зинченко:

— Свидетель явился, товарищ капитан.

В кабинет вошёл церковный сторож. Следователь отпустил шапочника и пригласил сторожа присесть.

— Так вы категорически утверждаете, что не знаете и никогда не были у него? — спросил Сидоренко администратора, указывая на дверь, за которой только что скрылся шапочник.

— Категорически утверждаю. Он обознался.

Услышав знакомый голос, сторож вздрогнул и уставился на администратора.

— Ну, что ж, — вздохнул Сидоренко, — бывают ошибки. Пожалуй, вы можете идти домой...

— То есть как это «домой»? — вскипел вдруг сторож. — Да ведь это — тот самый, что «лейтенантом» был!..

...Оставшись один на один со следователем, администратор пуще прежнего возмущился и стал настойчиво убеждать капитана, что шапочник и сторож ошиблись.

— Возможно, — неожиданно согласился следователь, — но я обязан был проверить, и вы напрасно волнуетесь. Давайте лучше закурим, — предложил он и любезно протянул Деднеру портсигар.

Тот взялся за папиросу — пустая, пощупал вторую, третью — все они оказались такими же.

— Разрешите уж лучше предложить вам мои, — смеясь, явно успокоенный, предложил он следователю и вынул из кармана пачку американских сигарет. — Прошу. Сигареты замечательные — здесь вы таких нигде не найдёте...

— Спасибо, но, представьте себе, — нашёл... И знаете где? В церкви! — приятно улыбнулся Сидоренко и, достав из ящика стола окурок, показал его администратору.

Наступившую тишину нарушил зуммер телефона. Следователь поднял трубку.

— Да. Уже? Замечательно! Ну и как?.. Спасибо.

Положив трубку и глядя уже на администратора, Сидоренко продолжал:

— И ещё одна «ошибка»: экспертиза сейчас

установила, что волосы, обнаруженные на пилотке, которая использовалась как кляп, абсолютно тождественны с волосами, которые я только что остриг с вашей головы. А теперь тушите свою сигарету и рассказывайте. Хватит играть в обиженного.

«Администратор» начал врать, но скоро запутался и был отослан следователем подумать и «вспомнить».

Сидоренко выбросил из портсигара пустые папиросы, наполнил его хорошими, закурил и подошёл к окну. Приподнятой взволнованности уже не ощущалось: ей на смену пришло уверенное, деловое спокойствие.

Капитан посмотрел на улицу и увидел бодро шагнувшего к нему племянника господина Шабца. Рядом со свидетелем, чуть позади, шёл Бойков. Молодые люди о чём-то оживлённо беседовали.

Сидоренко разглядывал племянника — его рост, фигуру, походку. Особенно привлёк внимание следователя костюм свидетеля: чулки, брюки «гольф» и светлый спортивный пиджак. Внезапно мысль капитана заработала быстро-быстро, выхватывая из дела отдельные факты, данные, увязывая их меж собой. Зрительная память вынесла из тьмы ночи вид церковной паперти, фантазия услужливо оживила этот вид фигурой мужчины, осторожно и торопливо избегающего по ступеням. «Только в таком костюме и можно было пройти по росе, не замочив обшлага брюк,— определил следователь. — А что, если...» — неожиданно пришла дерзкая волнующая догадка. Сидоренко круто повернулся и вышел из кабинета:

— Зинченко! Ведро, тряпку и... Быстро! Понял?..

Возле особняка Бойков и племянник господина Шабеца были встречены Зинченко, который яростно мыл каменные ступени крыльца.

— Пожалуйста, пожалуйста,— посторонился солдат и бросил под ноги племяннику мокрую тряпку,— проходите, не стесняйтесь,— незаметно он сделал какой-то знак Бойкову.

Свидетель вытер ноги о тряпку, прошёл по мокрым ступеням в полутёмную прихожую, где был встречен суровым автоматчиком, молча указавшим ему место в другой комнате.

Бойков, следовавший по пятам свидетеля, приостановился на пороге прихожей. Когда тот скрылся в комнате, сержант нагнулся и осторожно поднял с пола большой лист оберточной бумаги со свежими отпечатками следов племянника господина Шабеца. Аккуратно скатав лист, Бойков прошёл в кабинет Сидоренко и вскоре вернулся, сообщив свидетелю, что следователь сейчас занят и просит немного обождать...

— Извините, что задержал. Садитесь и рассказывайте,— предложил Сидоренко племяннику господина Шабеца.

— Да я уже всё рассказывал. Разве какую мелочь забыл...

— Во-во! Именно мелочь. Я вам напомним: расскажите, например, как в четыре часа десять минут вы подошли к церкви, перелезли через ограду, приблизились к дверям, послушали, вернулись. Ну и так далее,— пошёл ва-

банк следователь и выиграл: уставленные на него глаза делались всё шире, шире, лицо племянника побледнело, покрылось испариной, а полуоткрытые губы вмиг пересохли:

— Вы узнали? Кто... Нет — не верю! Провокатор! — истерично взвизгнул племянник.

Сидоренко не шелохнулся, только глаза его сузились, и под их взглядом племянник тут же разжал пальцы, весь как-то обмяк и безвольно опустился на стул.

— Провокатор? — спокойно и тихо переспросил Сидоренко. — Хотя и не обязан делать это, но так и быть я вам докажу обратное. Так сказать, для вашего успокоения, — усмехнулся следователь. — Встаньте! Кусакин, проводите нас, пожалуйста...

Подведя племянника господина Шабеца к одной из дверей, Сидоренко открыл в ней маленькое окошко, так, чтобы племянник увидел сидевшего на койке «администратора» и тут же захлопнул снова.

— Ну-с, а теперь рассказывайте, — предложил Сидоренко племяннику, когда тот снова уселся перед столом следователя.

Уверенный в том, что следователю уже всё известно, племянник господина Шабеца повёл рассказ о гнуснейшей подлости.

Сидевшему под присмотром Бойкова в соседней комнате самому Шабецу пришлось довольно долго ожидать того момента, когда следователь, закончив допрос, выдал его племяннику ордер на занятие пустующего по соседству с «администратором» и «карасём» помещения.

Господин Шабец оказался человеком решительным и быстрым: он, не задумываясь, отвёрг всё рассказанное племянником, отказался от знакомства с «администратором» и категорически утверждал лишь то, о чём говорил на первом допросе.

— Вот и помоги Советской Армии — получишь «спасибо», — притворно-обиженно съязвил он напоследок.

Взяв его и понятых, Сидоренко направился в церковь, где приставил часть понятых к сторожу, а с остальными пошёл туда, куда вёл их «свидетель».

— Вот тут, — указал господин Шабец.

Все остановились.

Понятые через пять минут вышли из церкви и вместе со сторожем, подойдя к «слушачам», спросили так, как их проинструктировал следователь:

— Стонал сейчас сторож или нет?

— Конечно, нет, — ответил господин Шабец.

Понятые со сторожем вернулись в церковь и попросили старика застонать ещё раз, громко, с открытым ртом, — тот загудел, как пароход...

— А теперь? — повторили свой вопрос понятые.

— Н-не знаю, — неуверенно сказал господин Шабец.

— Что-то не слышать было, — подтвердили понятые.

Первая группа не выдержала и расхохоталась.

— Ну так как же? — спросил господина Шабеца Сидоренко.

Тот махнул рукой, вздохнул, постучал себя кулаком по лысине и лишь после этого заговорил начистоту.

Всё остальное для следователя уже не составляло трудностей.

Седовласый попик каждое утро и вечер приходил к начальнику политотдела и, мигая скорбными глазками, спрашивал Гаркушу, не внял ли господь молитвам, чем порядком уже надоел полковнику. Вечером на третьи сутки Гаркуша решил вообще не принимать липкого попа, но всё же принял.

На четвёртые сутки при виде елейно-смиренной физиономии Гаркуша вздохнул и, помня свой разговор с Серебряковым, взялся за телефон. Серебрякова у себя не оказалось. Подумав минутку, Гаркуша решил:

— Едемте со мной. Я сам хочу знать, как там идёт расследование.

Капитана Сидоренко начальник политотдела застал за подшивкой документов в «дело». Ответив на приветствие, полковник разрешил следователю сидеть, сел сам и без предисловий спросил:

— Разыскали бандитов, капитан?

— Так точно, товарищ полковник.

— Всех пятерых?

— Никак нет: двух организаторов, одного организатора-исполнителя, пятерых рядовых исполнителей и одного пособника. Желаете взглянуть?

— Есть на что любоваться. А впрочем, давай, показывай. Итого, значит, девять, а если

покопаться, то за их спинами ещё нашлись бы организаторы,— заключил Гаркуша.

— Ниточка, конечно, далеко тянется, да полномочий нет,— задумчиво произнёс Сидоренко. — Зинченко! Приведите арестованных!

Полковник закурил.

Дверь открылась, и в кабинет вошли автоматчики и стали по углам комнаты. За ними Кусакин, Зинченко и ещё один ввели разномастных преступников.

— Разрешите, представить,— начал Сидоренко, подходя к маленькому чело́вечку.— Господин Шабец, местный гражданин, в прошлом адвокат, помещик, лидер здешних национал-социалистов, правая рука гитлеровского гаулейтера.

Сидоренко подошёл к «администратору»:

— Назвавший себя Деднером — американский подданный, международный бандит и шпион. А вот этот молодой человек в спортивном костюме «гольф» — «племянник» господина Шабеца. В действительности же — сын местного фабриканта, учился в Америке, окончил юридический факультет. Отец во время войны тоже перекочевал в США. Для прохождения «практики» сынок был направлен, причем не только папашей, к господину Шабецу, но способностей к политическому разбою не проявил и «засыпался» на первом же «деле». Следующий: человек, известный под кличкой «Мышонок», прозванный так, вероятно, из-за оригинального родимого пятна на щеке, которое, отправляясь «на дело», имеет привычку маскировать марлевой наклейкой. Рецидивист, взломщик, специалист по «мокрым» делам, служил в гестапо...

Сидоренко подошёл к «карасю», замялся и махнул рукой:

— Ну, этот и остальные — просто паразиты своего народа. Особого интереса собой не представляют.

— По данному делу, — продолжал следовательно, — господин Шабец проходит как идейный вождь и организатор местных «сил» и преступления. Американский «администратор» — как отобравший посредством небольшого путча идейное руководство у господина Шабеца и вожак банды, одетый в форму лейтенанта Советской Армии. «Племянник своего дяди» пытался стать «фюрером» антисоветской пропаганды и как таковой участвовал в «разработке» первой «операции». «Мышонок» — ближайший помощник «лейтенанта», специалист. Остальные — исполнители.

— Извините, товарищ полковник, — Сидоренко вдруг оглянулся и позвал: — Сержант Бойков!

В дверь просунулась белобрысая голова сержанта и, понимая кивнув, скрылась.

Гаркуша сидел и молча жевал мундштук погасшей папиросы. С нескрываемой ненавистью переводил он свой свинцовый взгляд с одного негодяя на другого. «Раз, два... семь», — пересчитал он.

— Послушай, Николай Иванович, а где же ещё двое?

— Исполнитель и пособник? Один бандит был убит при вооружённом столкновении.

— Ах, вот даже до чего доходило? Ну, а этот... пособник?

В глазах Сидоренко мелькнула весёлая искорка.

— Товарищ полковник, вы же сами его привезли! Пожалуйста! — в дверях стоял седенький попик, сопровождаемый Бойковым. — Вот вам смиренный служитель культа. Это он благословил политический разбой и теперь хранит во славу божью всё награбленное в подвале своей «скромной» двухэтажной обители.

Нимало не удивясь, Гаркуша только крикнул и с гадливостью махнул рукой, чтобы всю эту компанию побыстрее водворили на место.

— В общем-то ларчик просто открывается, — продолжал Сидоренко, когда они остались один на один с Гаркушей. — Сколотили эти господа свою бандитскую фалангу, притаились, ждут. Приход советских войск совпал с приездом из Америки «племянника», который по пути получил, уже в Югославии, — по документу видно, — от тайного лидера группы Беларковича приказ активизироваться. А тут попик уже жаловался как-то на упадок церковных дел и доходов — попик-то жадноват. Господа фашисты и обрадовались — чего же лучше придумаешь? Попа соблазнили быстро: религиозные чувства у прихожан воспрянут — раз, церковные денежки прикарманишь — два, авторитет церкви упрочишь — три, на восстановление разграбленного «большевиками» деньгу немалую вытянешь, а «восстановишь» старое — и денежки опять в карман — четыре. А остальное, мол, не твоё дело. Ну, тот и согласился, да не только согласился, а и внёс существенные коррективы, так сказать, поставил всю эту интермедию.

— Да, теперь всё ясно. Но врачи говорят, что успех операции гарантируется смелостью и искусством хирурга, — в данном деле вы показали себя именно искусным хирургом. От лица службы благодарю вас, товарищ капитан! — крепко пожал полковник руку Сидоренко.

— Служу Советскому Союзу!

Через день весь город снова забурлил. Снова народ запрудил площадь. Снова, взволнованность людей вылилась в стихийный митинг.

Рабочие, ремесленники, молодые конторщики и пожилые честные интеллигенты всходили на трибуну и бросали в толпу жаркие слова, полные ненависти к проклятому фашизму, полные братской любви к русским и восхищения народом-освободителем.

В МИРНЫЕ ДНИ

Металлическая трель звонка резко нарушила покой семьи. Сидоренко захлопнул книгу, встал, застегнул китель и вышел в прихожую. У дверей стоял младший сержант. Войдя в комнату, он доложил:

— Товарищ гвардии майор! Вам пакет от полковника Белого.

Майор пробежал взглядом две строчки, написанные на бланке, и повернулся к жене:

— Вызывают, Лидуша. Наверное, до утра.

Жена вздохнула, но ничего не сказала.

— Ну что ты? — ласково спросил майор. — Ложись, спи!

Майор обнял жену за плечи, поцеловал и затем, захватив небольшой чемоданчик, который всегда стоял наготове в прихожей, быстро вышел с сержантом.

«И месяца не прошло...» — грустно подумала женщина и подошла к окну. Внизу, на улице, вспыхнули фары, и машина растаяла в кружеве падающих хлопьев снега.

На лестнице большого шестиэтажного дома Сидоренко встретило молчаливо-тревожное ожидание. У двери квартиры номер шесть, на

третьем этаже, стояли два солдата. Минуя их, Сидоренко вошёл в просторную прихожую. Там находились дежурный по штабу округа, прокурор полковник Белый, неизвестный, в домашнем, наспех надетом костюме и практикант — слушатель Военно-юридической академии лейтенант Зотов. В кухне торопливо снимал шинель незнакомый следователю подполковник медицинской службы. Сидоренко кратко объяснили причину его срочного вызова.

В одной квартире жил военный инженер Златогорский, научный работник. Он и его жена языковед занимали три комнаты, в остальных двух жил инструктор райкома партии Барбарисов с женой и ребёнком.

Около двух часов ночи Барбарисову, возвратившемуся из командировки, потребовалось позвонить по телефону. Осторожно постучав в кабинет Златогорского и не получив ответа, Барбарисов прошёл к себе. От жены он узнал, что Златогорский вернулся ещё вечером. Барбарисову показалось странным, что инженер не откликнулся на его стук: Златогорский обычно работал допоздна.

Обеспокоенный, инструктор снова вышел в коридор, постоял у каждой комнаты соседей и, опять ничего не услышав, подошёл к кабинету. Заглянув в скважину замка, он увидел в темноте чуть светловатый экран окна и на его фоне — силуэт инженера... висевшего в петле.

Кабинет был заперт изнутри, и ключ оставлен в замке. Это и дало инструктору возможность обнаружить случившееся: вставленный ключ мешал заслонке скважины опуститься, и через её щель комната просматривалась.

В первый момент Барбарисов начал дёргать за ручку, но массивная дверь не поддавалась его усилиям. Сообразив, что спасти соседа уже нельзя, Барбарисов побежал к ближайшему телефону и рассказал о несчастье коменданту города. Тот немедленно сообщил прокурору.

Первым делом Сидоренко уяснил себе планировку квартиры. Просторная передняя продолжалась коридором, который разделял квартиру на две половины. Слева в прихожую выходили три двери: кухни, ванной, уборной, а в конце коридора ещё одна — она вела в комнаты Барбарисова. Справа была дверь кабинета, а в коридоре — две застеклённые двери, ведущие в остальные комнаты семьи Златогорских. Эти комнаты были смежными, каждая имела отдельный выход в коридор и ещё соединялись внутренней дверью. Лишь один кабинет был изолирован.

Жена учёного находилась в отъезде.

Осмотр прихожей не дал результатов: офицеры, Барбарисов и солдаты оставили столько следов, что разбираться в них было бессмысленно. На стенах же и дверях обнаружить ничего не удалось.

Помощник военного коменданта города и дежурный по штабу округа уехали. Согласовав с Сидоренко некоторые вопросы, вслед за ними уехал и полковник Белый.

Следователь остался с Зотовым, врачом и солдатами.

— Давайте открывать, — предложил врач.

— Да вот я и думаю, — ответил Сидоренко, внимательно рассматривая замок и опасаясь нарушить возможные следы. — Будем долбить

дверь и освобождать язык замка. Товарищ Зотов, дайте мой чемоданчик...

Но глубже пяти миллиметров долото не пошло: под тонким слоем дерева в двери оказался слой металла. «Ну и дверка! Как сейф», — подумал Сидоренко.

— Товарищ майор, может, через среднюю комнату проникнуть? — предложил Барбарисов. — Наш ключ подходит к их столовой, а из неё раньше тоже была дверь в кабинет — она заложена кирпичом, но всего в два слоя, по моему.

Сидоренко взглянул на Барбарисова и вдруг спросил:

— А дверь осталась? Со стороны столовой или кабинета?

— Дверь осталась. Со стороны кабинета, — ответил Барбарисов, не понимая смысла вопроса.

— Давайте ключ.

Осмотрев дверную нишу, заложённую кирпичами, Сидоренко позвал солдат.

— А ну, товарищи, распотрошите эту кладку. Только с условием: быстро, но осторожно.

Солдаты принялись за дело.

— Простите, зачем это вы спрашивали о двери? — поинтересовался врач.

— Профессиональная тайна, — усмехнулся Сидоренко. — Очень просто, доктор: если двери нет, то стену разбирать нельзя: в кабинете осядет пыль, которая мне вовсе не нужна. А вы, может, отдохнули бы пока или домой съездили?..

— Нет, мне интересно остаться. Я не буду вам мешать, — понял намек следователя врач.

Убедившись, что солдаты уяснили свою задачу, Сидоренко занялся Барбарисовым. Подробно выяснил от него всё, что тот знал о соседе: привычки, образ жизни Златогорского, домашние обстоятельства, круг знакомых, черты характера и так далее.

Барбарисов два года прожил в одной квартире с профессором и довольно хорошо знал Златогорского.

По натуре инженер — человек дела: работа, труд являлись для него основой всей его жизни. В быту он был скромным человеком. Хороший семьянин, домосед, страстный любитель книг, — таким был сосед Барбарисова.

Особое внимание Сидоренко обратил на одну деталь из рассказа инструктора: примерно год назад рабочие сменили двери домашнего кабинета Златогорского и замуровали наглухо, которую сейчас освобождали от кирпичей. Потом в прихожей у двери кабинета появился часовой, но через день-два был снят и больше не приходил.

— Что вы скажете на это? — спросил Зотова Сидоренко.

— Вероятно, Златогорский вёл на дому какую-нибудь работу государственной важности.

— Не иначе. Вот вы сейчас же и займитесь этим: выясните всё, что касается служебной деятельности покойного, всё, — подчеркнул последнее слово следователь.

Затем Сидоренко произвёл предварительный осмотр фасада дома и крыши над окном кабинета. Фасад — гладкий, без архитектурных украшений, заметных царапин от применения технических средств не имел, взобраться по

нему на третий этаж без приспособлений было невозможно. Крыша запорошена ночным снегопадом. Сидоренко расчистил её и тоже не обнаружил никаких следов.

Зотов вернулся в тот момент, когда солдаты покончили с кирпичами, а Сидоренко — с осмотром спальни и столовой.

— Ну что? — обернулся он к Зотову.

— Всё узнал, товарищ гвардии майор!

Инженер Златогорский вёл научную работу. Зная его редкое трудолюбие, командование, по известным соображениям, приказало изолировать домашний кабинет учёного, сделать надёжную дверь и на период усиленных домашних занятий Златогорского выставить охрану. В эти дни инженер как раз заканчивал принципиальное решение своей проблемы, работал днём и ночью.

После этого работа Златогорского была передана соответствующему научно-исследовательскому институту, охрану кабинета сняли, и больше Златогорский над своим открытием дома не работал.

— Откуда это известно?

— Мне сказали, что в отношении ко всем своим научным записям и документам он всегда был чрезвычайно осторожен. А раз так...

— Ага! Так и скажите, что этот вывод — предположительный. Вы узнали, один работал Златогорский над своей темой или с кем-нибудь ещё?

— Узнал. Последнее время работали вдвоём. Его соавтором является научный сотрудник института и заведующий кафедрой нашего университета доцент Ильинский. — Зотов рас-

крыл книжечку и добавил: — Коммунист с сорокового года, фронтовик-доброволец, демобилизован в сорок третьем году по ранению в звании капитана, артиллерист. До войны служил здесь же.

— Помню. А у того всё спокойно? Что он говорит? Как у них с работой? Что ему известно о Златогорском?

Зотов виновато и растерянно взглянул на Сидоренко:

— Я...

— Вижу: не были. Не догадались? Или постеснялись разбудить по такому случаю? — с холодной серьёзностью спросил майор Зотова. — Езжайте сейчас же к Ильинскому, товарищ Зотов, — его адреса тоже не узнали?

— Адрес взял: улица Университетская, два, квартира четыре.

— Ну, вот видите, и адрес взяли, а... езжайте, езжайте! — закончил Сидоренко уже мягче, видя, что Зотов понял свою оплошность.

Сидоренко аккуратно отомкнул размурованную дверь, распахнул её, и прямо перед следователем и врачом показалось тело сухоощавого мужчины в военной форме, висевшее на верёвке, привязанной к потолочному крючку для люстры. Под ногами покойного валялся опрокинутый стул. Следователь осторожно шагнул в кабинет и занялся статическим осмотром: сфотографировал труп, потом описал, сфотографировал и нанёс на зарисованный план комнаты всю её обстановку и предметы точно так, как они были расположены.

После этого врач и следователь вынесли труп в смежную комнату, где произвели тща-

тельный осмотр одежды, содержимого карманов профессора. Затем врач-эксперт увёз покойного на вскрытие. Сидоренко ещё раз внимательно осмотрел верёвку, узлы на ней и петлю, а потом — ванную комнату, кухню и кладовую, но нигде другого конца обрезанной недавно верёвки не обнаружил.

Инженер Златогорский был по-военному аккуратен — это Сидоренко уже знал от Барбарисова. Кабинет содержался его хозяином в образцовом порядке. Он был чисто прибран, каждая вещь лежала на своём месте. Книжные полки, шкафы и письменный стол были обтёрты. Делал ли это сам Златогорский или кто другой, — неизвестно, но тряпки и щётки для ежедневной комнатной уборки находились тут же, в углу за печкой, развешанные на гвоздиках.

При детальном осмотре кабинета Сидоренко не обнаружил никаких следов борьбы.

Когда вернувшийся Зотов вошёл в кабинет Златогорского, Сидоренко стоял у окна с ключом, вынутым из замка двери.

— Товарищ гвардии майор, вчера вечером неизвестным была совершена кража в квартире доцента Ильинского! — одним духом отрапортовал Зотов.

Сидоренко не удивился, только куснул губы и, нахмурившись, стал быстро уточнять:

— В котором часу?

— Между шестью и семью.

— Что украдено?

— Да в том-то и дело, что всё перерыто, а взяты лишь часы «Зиф» и пятьсот рублей денег.

— И больше ничего?

— По словам самого доцента, больше ничего.

— Почему вас это удивило? — прищутив глаз, спросил Сидоренко.

— Да потому, что в соседнем ящике стола лежат массивный золотой портсигар, золотые запонки с камнями и старинная дорогая брошь — память матери Ильинского.

— Вор задержан?

— Как в воду канул, товарищ гвардии майор.

— В каком состоянии квартира сейчас?

— Всё уже прибрано.

— Ну, тогда бессмысленно туда ехать. Остаётся положиться на опытность следователя. Кто выезжал к месту кражи?

— Младший лейтенант милиции Ушков.

Отвечая, Зотов сдерживал нетерпеливое любопытство. Чувствовал, — не время мешать следователю своими вопросами. А их было много. Что показал осмотр места происшествия здесь? Как Сидоренко предугадал, что и у Ильинского могло что-то произойти? Почему... Да, мало ли этих «как» да «почему» может возникнуть у практиканта!

Опыт, которого не было у Зотова, подсказал следователю возможность какого-либо чепе у Ильинского. И теперь, когда вероятность эта подтвердилась, Сидоренко имел уже законченную логическую версию. Осмотр трупа и кабинета Златогорского подсказал следователю, что инженер не повесился. Из материальных ценностей в квартире инженера как будто ничего не похищено. Кража у Ильин-

ского странна лишь на первый взгляд, а по существу вполне ясна: перерыв всё, вор, видимо, не нашёл того главного, за чем пришёл, и, для отвода глаз, похитил первое попавшее под руку. Чем же могло быть это главное? Только тем, что объединяло Ильинского с Златогорским: их общей работой. Отсюда вывод: преступник рвался к овладению секретом изобретения и, не найдя его в одном месте, пытался обнаружить в другом. Сидоренко заподозрил это, как только узнал о работе Златогорского, поэтому и послал Зотова к Ильинскому.

И теперь, когда «странная» кража у доцента только усложняла всё и сбивала с толку практиканта, следовательно, наоборот, видел в ней подтверждение правильности своих выводов. Он стоял на верном пути.

Что-то сосредоточенно обдумывая, Сидоренко продолжал рассматривать ключ. Зотов заглянул через плечо майора и увидел на конце ключа, около бородки, кольцеобразные борозды-задиры.

— Что это? — спросил он майора.

— След «уистити».

— Чего? — не понял Зотов.

— «Уистити» — инструмента для отмыкания замка ключом, вставленным с противоположной стороны. Многие граждане наивно полагают, что, запершись в квартире изнутри и оставив в замке ключ, они этим наиболее надёжно предохраняются от ночных визитёров, — усмехнулся Сидоренко. — Сами того не подозревая, они буквально дают ключ в руки вора: не прибегая к отмычке, вор с помощью «уисти-

ти» или «слоника» без особых хлопот открывает замок тем же ключом.

— Никогда не видел, — признался Зотов.

— Вы ещё многого не видели. Можете посмотреть — у меня в чемодане есть трофейный.

— Товарищ майор, а что здесь? — горячо спросил будущий следователь.

— Некогда. Расскажу только вкратце: внешне — самоубийство. Но осмотр рисует такую картину: самоубийца пришёл сюда, сел за стол, записал на календаре только что купленной авторучкой, что завтра надо позвонить насчёт ремонта квартиры, затем куда-то далеко ушёл за верёвкой, вернулся, повесился, подтянув сам себя на воздух, потом чисто вытер тряпкой всю мебель, книги и пол, даже на пороге, и запер изнутри дверь... чего вы улыбаетесь? Мне тоже не верится, чтобы человек на грани самоубийства думал о ремонте и убирал комнату после своей смерти. Получилось, конечно, так: кто-то повесил полковника, потом тщательно, чересчур тщательно, убрал кабинет, стёр все следы. Сделав всё это, преступник вставил изнутри ключ, вышел из кабинета и снаружи запер его посредством «уистити».

Надевая шинель, Сидоренко продолжал:

— Здесь нам пока делать больше нечего. Сейчас я проеду к следователю милиции и в институт. Вас же, товарищ Зотов, попрошу быстро выяснить в облвоенкомате, есть ли в городе или области бывшие моряки-балтийцы, где они проживают, где и кем работают. Второе: в единственном нашем «морском» учреждении, Рыбторге, узнайте о бывших ры-

баках. Третье: возьмите сведения в аэропорте, на станциях «Жевинск-пассажирский», «Всполье» и «Жевинск-товарный» о всех задержаниях, арестах, несчастных случаях и другого рода чепе, если таковые произошли за ночь и по сей час. Задача ясна?

— Так точно, только...

— Неужели не уяснили? Кража у Ильинского, вероятно, — не случайное совпадение. Это делает возможным предположение, что оба преступления совершены одним и тем же лицом. После двух таких «дел» преступник, как правило, стремится уехать. И мы должны использовать всё для контроля и блокировки этого шага. Поспешность может привести преступника к ошибке. Нам всё важно. Теперь ясно? Подробности потом. Идёмте!

Мозг следователя напряжённо работал. Одним из неразрешённых вопросов был: как преступник попал в квартиру никем не замеченный? Сидоренко ещё ночью пытался выяснить это, но жена Барбарисова и ближайшие соседи категорически заявили, что никого не встречали и не слышали стука. Собственно, «как» отомкнул преступник замок, особого значения не имело, но простой самозахлопывающийся замок парадной двери был совершенно цел и не тронут, а чёрного хода в квартиру не было.

Выходя с Зотовым из квартиры, Сидоренко ещё раз осмотрел замок и, опять ничего не обнаружив, захлопнул дверь. Однако, оглянувшись, он тут же вернулся в квартиру и прошёл к Барбарисовой. Та ещё никак не могла успокоиться. Сидоренко опасался, что в таком

состоянии женщина, сама того не желая, сможет сказать неправду. Он схитрил: предупредив, что это очень важно, он попросил её уточнить, как был одет Златогорский, когда она встретила его в прихожей. А потом, будто не касаясь дела, спросил, как она выводила ребёнка гулять.

Барбарисова на первый вопрос сначала ответила уверенно: «Шинель, фуражка, сапоги», а потом стала поправляться: «Нет, — шинель, фуражка и длинные брюки...» На второй же вопрос просто и спокойно ответила, что её карапуз, пока мать здоровалась с инженером, вышел в оставленную им открытой дверь. Поспешно выскочив и захлопнув дверь, она поймала сына уже на ступенях.

Зотов был удивлён, когда Сидоренко, выбежав и хлопнув дверью, резко остановился и вернулся к двери.

— Так вот оно что! — торжествующе сказал он Зотову и вынул из кармана ключ. — Смотрите, — мягко закрыв дверь (было слышно, как щёлкнул замок), он подёргал её — заперто, — и открыл дверь ключом. Вторично он с силой хлопнул дверью, и та отскочила, не успев закрыться.

— Видели?. Вот как преступник попал в квартиру, не оставив никаких следов отмычки и даже не звоня: ему просто повезло. А теперь — пошли. Связь со мной держите через полковника Белого.

Но пришлось ещё раз задержаться: у подъезда остановилась машина. Из неё выскочил взволнованный врач-эксперт.

— Товарищ майор! Златогорский не повесился, а...

— ...А убит, — закончил за него Сидоренко. — Я тоже пришёл к такому заключению. Только не знаю, как убит. На теле ничего не было.

— Ударом по голове чем-то мягким, но тяжёлым.

Несмотря на ранний час, все были в сборе. У дверей в ожидании приказаний стоял дежурный по штабу округа полковник Земнов. Командующий поднял на сослуживцев взгляд, полный огорчения:

— Высокие награды — это благодарность Родины за прежние заслуги, а не прощение авансом будущих проступков.

— Так как же с похоронами, товарищ командующий? — спросил один из заместителей.

— А как вы хоронили на фронте трусов и дезертиров? — резко ответил за командующего начальник штаба.

— У меня таких не было, — уклонился от тяжести прямого ответа генерал.

— Н-да... чтобы такой человек, коммунист, талантливый инженер, и вдруг так трусливо дезертировал из жизни, от нас... Нет, не верится! — сурово вздохнул командующий.

— Именно, не верится! — напирая на последнее слово, горячо проговорил начальник политуправления.

Над одним из телефонов у стола командующего вспыхнула лампочка. Полковник Земнов подошёл:

— Слушаю. Вас, товарищ генерал!

— Кто это в такую рань? — командующий взял трубку. — Да?

— Докладывает полковник Белый.

— Так. Вас понял. Сделаю. Продолжайте, — выслушав Белого, генерал положил трубку на рычаг и встал. За ним поднялись все.

— В окружной газете немедленно поместить некролог: «Сегодня скоропостижно скончался военный инженер Александр Александрович Златогорский — верный сын Коммунистической партии, боевой офицер и крупный научный работник...» Похороны назначить на шестнадцать ноль-ноль завтра. На процессию выставить сводный почётный караул офицеров от всех частей гарнизона, оркестр и траурный эскорт в составе полка инженерных войск. Гроб водрузить на орудийный лафет. Впереди — одиннадцать старших офицеров из числа сослуживцев и товарищей покойного с его наградами.

Командующий отпустил генералов и задержал начальника штаба.

— Пётр Иванович, немедленно вызовите жену Златогорского. Если потребуется, используйте мой самолёт.

Младший лейтенант милиции Ушков, высокий тонкий блондин с задумчивым лицом, оказался проницательным следопытом. По обнаруженным в квартире Ильинского следам он сумел установить рост, приблизительный возраст, походку, фасон и размер обуви преступника, а также то, что преступник — левша.

Это было уже богатством для следствия. «Ну, теперь хоть кое-какие, но всё же есть данные», — обрадовался Сидоренко, но его слова благодарности не дошли до слуха младшего лейтенанта — их заглушила звонкая дробь телефона. Ушков взял трубку.

— Слушаю... Сидоренко? Так точно, товарищ полковник... Нет, ещё здесь... Слушаюсь. Вас! — передал он трубку майору.

Говорил полковник Белый:

— Сидоренко? Сейчас звонили с вокзала и сообщили, что там обнаружен труп неизвестного. Других происшествий в городе не было — отовсюду тоже звонили. Транспортный отдел выставил охрану, оставил всё неприкосновенным. Ждут ответа, приедете или нет. Как вы?

Сидоренко заколебался. Потом решительно объявил:

— Еду, товарищ полковник, сейчас же! А вас попрошу направить туда врача-эксперта.

«Молодец Зотов, быстро оповестил всех», — думал Сидоренко, подпрыгивая на сиденье автомобиля.

Следователь сейчас находился в состоянии максимального напряжения. Он сознавал и чувствовал, что преступник вертится у него где-то под руками, но вот-вот ускользнёт, если следователь допустит хоть маленькую ошибку или потеряет время.

Пока что у преступника было явное тактическое преимущество: ему было известно, что его разыскивают, кого и где надо остерегаться — всех и везде. Следователь же лишь в общих чертах знал, где искать, и совершенно не

знал, кого искать. Он мог пройти мимо преступника и не задержать его. У следователя, однако, был огромный моральный козырь: он не скрывался, был вдохновлён сознанием государственной важности своего дела и везде имел тысячи надёжных помощников. Преступнику сопутствовал постоянный страх, и рассчитывать на чью бы то ни было помощь среди граждан ему не приходилось.

На ступенях при входе в вокзал уже стоял врач.

— Товарищ майор! — замахал он рукой, увидев Сидоренко. — Знакомьтесь! — повернулся он к стоявшему рядом офицеру с нарукавной повязкой помощника коменданта.

Не заходя в помещение, Сидоренко, врач и помощник коменданта отправились к месту преступления. По дороге помощник коменданта рассказал: пробираясь между изгородью сада и забором мастерских к путям, рабочий увидел что-то странное и, присмотревшись, убедился, что это было неподвижным человеческим телом.

День стоял холодный, неприветливый. Пышный, густой и красивый летом сад выглядел тоскливо, в нём было холодно, неуютно и безлюдно.

Сад охраняли солдаты комендатуры.

Сидоренко, задумчивый, изредка останавливался и осматривался по сторонам. Местами лысая земля газонов и края дорожек были покрыты скуными пятнами вчерашнего снега.

Труп мужчины лежал лицом вниз и был раздет донага. Поза его, неестественная, расслабленная, говорила за то, что покойный был

раздет уже после смерти и, повидимому, тут же, на этом месте: вокруг тела оставлено много следов. Сидоренко сфотографировал общий вид тела и места преступления. После этого, зайдя с той стороны, где не было следов, начал вместе с врачом детальный осмотр покойного. Перевернув тело, врач поморщился: лицо пострадавшего было неузнаваемо.

Подошёл Зотов. На немой вопрос Сидоренко он кивнул головой и присоединился к осмотру.

Сидоренко сделал нужные записи и спросил врача:

— Товарищ подполковник, а вы не могли бы произвести вскрытие поблизости?

— Понимаю вас... Конечно, могу.

Солдаты отнесли погибшего в дорожную больницу.

Сидоренко осмотрел ложе трупа, следы, шедшие от садовой дорожки и возвратившиеся туда же. Майор сделал это довольно быстро и задержался только у одного глубокого отпечатка следа: залил его гипсом. Потом вместе с Зотовым обшарил всё вокруг и, ничего не обнаружив, сел на скамейку и задумался. Вдруг Сидоренко вынул из кармана блокнот, быстро написал несколько слов и, вырвав лист, окликнул солдата комендатуры.

— Бегом к коменданту! Пусть немедленно передаст по всем направлениям дороги эту телеграмму.

Сделав это распоряжение, следовательно повернулся к своему коллеге.

— Что с моряками, товарищ Зотов?

— Рыбаков вовсе нет, а моряков немного. Балтиец один: капитан первого ранга в от-

ставке, работает лектором обкома. Остальные — черноморцы и тихоокеанцы.

— Так. Ну, а что скажете об этом?

— Покойный, вероятно, убит... Иначе кто же стал бы так уродовать его внешность.

— Хорошо. Дальше.

— Преступление совершено здесь, сегодня ночью, от часу до трёх; около часу прекратился снегопад, а в три уже всё замёрзло, — раньше часа следы бы занесло, а позже трёх они не были бы так вдавлены. Убийца и грабитель был женщиной, высокого роста, сильной. Это видно из того, что следы — женские, размер обуви — 38, шаг довольно крупный...

— Подождите. Ну, насчёт ограбления — допустим. А почему вы считаете, что она — сильная?

— А вот я и хотел сказать: слабой женщине убить молодого мужчину нелегко.

— А почему вы думаете, что она — убийца? Ведь из этого вы делаете вывод и о её силе, то есть намечаете внешность.

— Да других-то следов нет, товарищ майор.

— Ну ладно. А как, по-вашему, это преступление связано со вчерашними или нет?

— Думаю, что нет: там один преступник, тут другой; там одна цель, тут совсем другая.

— Какая же?

— Ну, тут типичное убийство с целью ограбления — вон и лицо даже изуродовала, мерзавка.

— Типичное? Ну, ладно, скажите: кто был убитый?

— Военный, наверное, офицер: для рядового возраст неподходящий — этому лет 37—39, а

сверхсрочников у нас уж не так много. А что военный — так шрам на боку от сквозного пулевого ранения...

— Фронтовик, фронтовик, а не военный, товарищ Зотов! Шрам отставить: фронтовиков у нас — восемь из каждых десяти мужчин.

— Да-а, это я упустил. Тогда не знаю, кто.

— А часто ли встречаются, товарищ Зотов, у нас в СССР грабители-убийцы вообще и в частности женщины? — прищурил один глаз Сидоренко.

Молодой следователь, как бы очнувшись, усталился на майора.

— Так вот: кто был убитый, я тоже не знаю, а это очень важно знать. Но убит он был не там, а около самого выхода — вот на этой самой скамейке, где мы сейчас сидим с вами и гадаем. А туда труп был перенесён — вы должны были заметить, что следы, идущие от дорожки, глубже, чем те, которые идут обратно: убийца туда шёл с ношей. Время вы определили точно... Ну, что? — вскочил Сидоренко навстречу врачу. Тот выразительно показал себе на затылок.

— Ох, и рискованное дело, — поёжился следователь, — потеряем время — всё потеряем. Но рисковать надо! Товарищ Зотов! Поезжайте в исследовательский институт. Только отличайте, пожалуйста, фронтовиков от офицеров! — не то шутя, не то серьёзно добавил майор.

В пятом часу дня многие пассажиры и служащие вокзала с удивлением смотрели на аккуратного, даже элегантного майора. Он сидел на маленьком чемоданчике позади обще-

ственной уборной, что стояла на отлёте от вокзала, и внимательно наблюдал за действиями ассенизатора, очищавшего выгребную яму. Элегантный майор был так поглощён созерцанием этой нехитрой работы, что не замечал ни удивлённых взглядов, ни даже шутливых возгласов прохожих. Однако те, наверное, удивились бы ещё больше, если б увидели, с какой радостью майор бросился к черпаку, когда на его крае повисла какая-то тряпка. Спустя двадцать минут Сидоренко разглядывал мокрую, но уже чистую пару белья, и глаза его светились самой неподдельной радостью.

— Товарищ майор, — обратился он к коменданту, — передайте в этом направлении ещё шифровку... Спасибо. Ну, а теперь поедете восвояси, — предложил Сидоренко врачу. — Небось, поспать хочется.

В это же время высокая красивая женщина стояла в купе вагона и равнодушно следила, как в раме окна быстро поднимаются вверх телеграфные провода и после мелькнувшего столба снова опускаются, чтобы тут же опять взвиться. Она была далека от мысли о том, что, может быть, по этим проводам, обгоняя или уже обогнав поезд, промчалась телеграмма, которая грубо нарушит все её планы. А так оно и получилось: на ближайшей остановке в купе вошёл офицер комендатуры и вежливо попросил её пройти с ним — в вагон она уже не вернулась, а на следующей станции молчаливый старшина снял с поезда её вещи.

Вечером, в семь часов шестнадцать минут, женщина уже сидела перед столом следователя и, судорожно вдыхая воздух, не могла остановить рыдания.

— Выпейте воды, — советовал ей Сидоренко, — успокойтесь... Я всей душой разделяю ваше горе и понимаю, как вам тяжело будет сейчас войти в свою квартиру. Но это очень нужно, это просто необходимо. Постарайтесь на минуту вникнуть в мои слова, и вы поймёте сами: мне нельзя терять ни минуты, а я не знаю, что именно пропало и пропало ли вообще. Только вы знаете, что, где и как лежало в кабинете Златогорского. Ну, возьмите себя в руки, хоть на полчаса, соберитесь с силами, если не хотите, чтобы наши враги завтра злобно листали документы, где каждая буква написана кровью вашего мужа...

Женщина встала, вытерла платком бледное лицо и выпрямилась.

— Едемте, товарищ майор, — строго проговорила она, глубоко и прерывисто вздохнув.

У входа в квартиру она остановилась, но тут же заставила себя переступить порог и, внешне спокойная, вошла в кабинет.

Осмотрев вещи, книгу и документы покойного, она взволнованно посмотрела на Сидоренко.

— Всё на месте, но не хватает одной тетради.

— Какой?

— Обыкновенной ученической тетради в в чёрном клеёнчатом переплёте.

— Что было в этой тетради? Мне вы можете и должны сказать всё, что знаете, — видя нерешительность женщины, настоял Сидоренко.

— Я дала ему слово... Это был шифр...

— Шифр?! — невольно вскрикнул Сидоренко.

— Да. Муж сам придумал его, и секрет шифра не знал никто. Александр Александрович заносил в тетрадь какие-то заметки, тренируясь в скорописи шифром. Я тоже ничего не знала об этой тетради, а когда случайно увидела её, то дала ему слово... ему... а... он... — женщина рухнула в кресло и, уткнувшись в холодную кожу высокого подлокотника, зарыдала.

Казалось, самолёт не летит, а лениво ползёт, неохотно продираясь сквозь вязкую тьму ночи. Хотелось верить, что машина вот-вот вырвется на простор голубого раздолья и, унося на концах крыльев липкие клочья мглы, резко увеличит скорость. Но желанное «вот-вот» не наступало, и лишь далеко внизу изредка мигали крохотные огоньки.

Сидоренко откинулся на спинку кресла и с досадой взглянул на моторы, с незаметной для глаза яростью вращающие винты. Их рёв, став привычным, казался тяжёлой, давящей на уши тишиной. У другого борта сидел Зотов, с удовольствием оглядывая комфортабельное оборудование пассажирской кабины.

— Вот это машинка! — весело подмигнул он.

— На этом самолёте командующий привёз в Москву пленного оберштурмбаннфюрера «СД» Гальтенкрюнера, он сидел на вашем кресле, — заметил Сидоренко.

Зотов изобразил на лице брезгливую мину и пересел в кресло по соседству с Сидоренко.

Майор усмехнулся, захотел что-то сказать и вдруг уснул, ссутулившись в кресле. Вздрыгнув, он открыл глаза и взглянул на часы: прошло не более десяти минут. Зотов сидел рядом, уставившись взглядом в одну точку. Сидоренко с любопытством рассматривал его почти юношеское лицо со вздёрнутым носом.

— Кажется, я не в свои сани сел, Николай Иванович, — грустно буркнул Зотов, — учусь стать следователем, а хожу вокруг вас и только удивляюсь: путаное дело вы, как открытую книгу, читаете. Да-а, следователем родиться нужно, — вздохнул он с чувством хорошей заисти.

— Поспешный вывод. И неверный. Плюньте вы на эту пинкертонщину раз и навсегда: следователь видит всё точно так же, как любой другой нормальный человек, с той лишь разницей, что умеет фиксировать умом всё замеченное, отличать главное от второстепенного, ложное от истинного и анализировать каждое и сумму всех впечатлений. Это даётся знаниями, опытом и практикой, а на одних только индивидуальных качествах, способностях далеко не уедешь... А что касается наклонностей... Их не вдруг отгадаешь в себе, — засмеялся Сидоренко, — я вот поступил на юридический только для того, чтобы не терять год, — «засыпался» в мореходном: астрономия подвела. А теперь ни на какую специальность своё дело не променяю! Давайте-ка лучше, пока есть время, продолжим наш семинар по тактике расследования дела Златогорского, —

предложил Сидоренко и, заметив, как оживился Зотов, начал:

— Место преступления вы не осматривали в деталях, но суть его и сведения о Златогорском вам были известны раньше, чем мне. Что вы сделали мысленно прежде всего?

— Подумал о том, что не следует слепо доверять признакам самоубийства, — задумчиво, видно, вспоминая свои субъективные ощущения, ответил Зотов.

— Правильно. Но это только производное от главного. А вот основное, принципиальное? Зотов пожал плечами.

— Прежде всего следователь должен правильно ориентироваться в общей политической и частной обстановке, в которой было совершено преступление, и дать принципиально верную политическую и социальную оценку значения самого преступления. Запомните, это очень важно и является законом для ведения любого расследования. Не будь мы вооружены основой всех основ — теорией марксизма-ленинизма, мы в данном случае могли и не прийти к вопросу: всё ли благополучно у Ильинского? Не проверив этого, так и сидели бы сейчас в Жевинске, гадая на кофейной гуще, кто, почему да зачем убил инженера.

— Как я сейчас понял, моя мысль и была вызвана именно таким подходом к делу, — оживлённо признался Зотов. — Но как-то подсознательно...

— Вот то-то и оно! А оценка эта должна делаться совершенно сознательно, чётко и незамедлительно. Дальше. Попробуйте определить, — вы этого не знали, но должны были

догадаться, — почему мы стали искать моряков-балтийцев?

— Я уже думал. Вероятно, на месте преступления был найдён такой след, какой мог оставить только моряк?

— Правильно. Единственным следом, который оставил преступник, был узел на верёвке, — характерный морской узел, какой вяжут обычно балтийские моряки. Ну, почему мы заинтересовались всеми шоссе, вокзалами и происшествиями, — вам ясно. А теперь перейдём к другой жертве и разберём то, чего не успели разобрать тогда, в саду. Вы определили: убийство, цель — грабёж, преступник — женщина, жертва, вероятно, — офицер. Так. Возьмём за достоверность, что жертва — офицер, и не станем повторять первых сомнений насчёт преступника, — вы их помните. Объясните мне другое: зачем женщине надо было связываться с сильным мужчиной, когда она с меньшим риском могла избрать жертвой богато одетую женщину? И какой вообще смысл женщине-преступнику задерживаться у жертвы? Неужели она подвергала себя огромному риску только ради того, чтобы снять с убитого мужской костюм, да ещё и бельё, которому грош цена? А зачем ей понадобилось обезобразивать лицо жертвы? Что сказали вам следы на теле убитого, а также следы на месте преступления? Не можете увязать? Так вот, слушайте: на старое бельё может польститься только мелкий вор, вроде опустившегося алкоголика. «Порядочный» преступник этого не сделает. Но мелкий вор не пойдёт на убийство из-за пары белья и даже костюма, а

тем более не станет с жестокой расчётливостью уродовать свою жертву. Ряд незначительных признаков подтверждал ваше предположение, что жертва — офицер, но насчёт «высокой, сильной женщины» вы явно ошиблись. Убийцей был мужчина, да, да, мужчина, привязавший к своим ногам женские туфли специально, чтобы провести нас. Но убийца не рассчитал: когда он нёс на себе свою жертву, в грязи остались отпечатки не только женской обуви, а и верёвки, которой туфли были привязаны к ногам преступника. Судя по «почерку» этого преступления, совершенно очевидно, что тут орудовал маховый бандит. Вы заметили кровь на шее и груди погибшего? Преступник сначала раздел человека и только уж потом обезобразил лицо: боялся запачкать кровью обмундирование. Значит, обмундирование всё-таки было нужно преступнику. Ясно?

— Теперь — да. Только как же насчёт белья? И какое отношение это преступление имеет к делу Златогорского? Зачем...

— Хватит, хватит, не всё сразу! — остановил практиканта Сидоренко. — Пойдём дальше по порядку. Обмундирование: одежда — добыча «не солидная» для такого головореза, однако была явно необходима ему. Стало быть, преступление не просто уголовное, в чём хотел убедить нас бандит, а имеет какую-то особую цель и носит иной характер. И дальше: снимая нижнее бельё, преступник даже переусердствовал в желании подчеркнуть именно кражу. Материальной ценности оно для преступника, который только для обмана следователя покупает новые женские туфли, никакой не пред-

ставляло. Надевать добытое таким путём бельё на себя он тоже не станет, хотя бы потому, что это бессмысленно — бельё никто не видит. Если это предположение верно, то бельё должно было быть спрятанным где-нибудь поблизости: зачем преступнику хранить лишнюю улику? Скорее всего он мог выкинуть его в помойку, бросить за забор мастерских, а для большей страховки — в уборную. Там оно и оказалось. А взаимосвязь преступлений также очевидна: вы забыли сравнить и убедиться в том, что рост жертвы и шаги «женщины» тождественны с данными о преступнике, которые нам дал лейтенант милиции Ушков, расследовавший «кражу» у Ильинского. А если к этому прибавить, что Златогорский и этот неизвестный были убиты одним приёмом, а верёвка, которой преступник подвязывал себе женские туфли, стянута точно таким же узлом, что и петля на шее Златогорского, — то станет совсем ясно: все три преступления крепко связаны этим узлом и являются звеньями одной преступной цепи. Таким образом, картина последнего преступления вырисовывается так: преступник заманил жертву в сад и сел с ней на первой же скамье. Потом отошёл, подвязал к ногам женские туфли и вернулся. Подойдя сзади, нанёс жертве удар и отнёс тело вглубь сада, где ограбил труп и, обезобразив лицо жертвы, скрылся... Преступник не глуп. И, предугадывая все наши меры розыска, он пытается неожиданным манёвром обвести нас вокруг пальца. Он знает, что из города ему не так-то просто вырваться, да и дальше все дороги и тайные тропы туда — за рубеж —

будут пресечены. Обнаружив на станции более или менее подходящего по внешности транзитного пассажира-офицера, негодяй убивает его и, завладев документами и обмундированием, пытается сейчас проскочить за границу.

Увлечённый и взволнованный анализом дела, Зотов уже раскрыл было рот, чтобы заговорить, высказать свои новые мысли, выводы, рабочие гипотезы, когда самолёт бросило в сторону, потом обратно, и снова — раза три кряду. Сидоренко и Зотов вопросительно взглянули через прозрачную перегородку в кабину лётчика. Тот обернулся к ним.

— Брест, — скорее понял по движению губ лётчика, чем расслышал его голос Сидоренко, и взглянул за окно. В тяжёлом туманном рассвете сквозь серые клочья облаков, как в клубах дыма, проглядывали неясные очертания города. Сидоренко кивнул головой и сделал резкий жест, каким командиры орудий сопровождают команду «огонь» — лётчик заложил крутой вираж и скольжением на крыло бросил машину на город. Зотов проглотил слюну и, стиснув ручки кресла, сделал равнодушное выражение лица...

Высокий, резкий в движениях, военный комендант станции «Брест-пассажирский» представлял собой тот тип командиров — энергичных, строгих, деятельных, — которые мало думают о своём отдыхе.

— Вот и отлично, что сами прилетели. А то «тщательно сличайте предъявителей с фотографиями на документах» — и всё. Потом дополнительной «молнией» сообщили инициалы,

а всё остальное непонятно. Ну, теперь я каждого перед вашими глазами проведу, а вы уже сами... Что вы смеётесь? Я вправе сердиться, ведь чувствую, что дело серьёзное, а вы даже инициалы не расшифровали, поди догадайся — Виктор, Владимир, Валентин или Валерий!

— Да с дорогой душой бы, товарищ майор, только я и сам-то ничего, кроме инициалов да приблизительного роста преступника, не знаю.

— Фю-ить! — разочарованно свистнул комендант. — Н-да, некрасиво получается. Из-за одного мерзавца придётся, может, десяток-другой честных советских людей задержать до выяснения. Обидно для них.

— То-то и оно: едет себе человек, вдруг — бац! — задержали ни за что ни про что! Однако если это необходимо... Но что говорить: раз мне удалось опередить поезд, то теперь мы другое сделаем — более устраивающее и меня и пассажиров: используем пересадку... Товарищ Зотов! — позвал Сидоренко. — Вот вам записка к лётчику и разрешение на вылет. Немедленно летите в Берлин и там обеспечьте проверку каждой автомашины, которая подъедет к вокзалу к приходу поезда. Малейшее подозрение — и шофёра и машину задерживать. Ясно? Выполняйте! Меня встретите на перроне. Имейте наготове машину для нас.

— ...Так вот, — снова обратился к коменданту следователь после того, как окончил разговор по спецсвязи с местным начальством, — по обстоятельствам дела видно, что преступник решил воспользоваться формой и документами жертвы и, рассчитывая на проволочку расследования, проскочить в Берлин.

Надо полагать, что, добравшись до Берлина, он не пойдёт в часть, где служил покойный, а поторопится сразу перейти в Западную зону — тут-то мы его и накроем.

— Позвольте, а не проще ли арестовать его прямо здесь? — удивился комендант.

— Проще. Но незачем. Вы гарантируете, что в Восточной Германии у него нет замаскированных сообщников?.. Я тоже не знаю. А это надо узнать. Значит, следует проводить его и арестовать лишь в последний момент. Ну, а теперь пойдёмте в ту комнату — люди уже собрались и время не терпит.

— Товарищ майор, берлинский на подходе, — доложил дежурный помощник, обращаясь не то к коменданту, не то к Сидоренко.

— Итак, товарищи офицеры, задача ясна? Вопросы есть? Ещё раз напоминаю: задание чрезвычайно ответственное, — будьте максимально бдительны, не вызывайте к себе подозрения, не горячитесь, но если потребуется, действуйте решительно и смело. А теперь — по местам!

Офицеры в форме различных родов войск встали и по одному быстро разошлись из комендантского помещения.

— Скажите, майор, — улыбнулся комендант, приостановив Сидоренко, — как же вы узнали инициалы, а имя и фамилию — нет?

— Очень просто. Мне удалось найти нижнее бельё жертвы, выброшенное преступником. На белье были вышиты, причём совсем недавно, монограммы «В. Р.» Вряд ли их стал бы вышивать покойному начальник ОВС

части, где тот служил. Скорее всего это сделали заботливые руки жены или матери, которые не станут сыну или мужу вышивать чужие инициалы. А так как жён и матерей в наших оккупационных войсках нет при военнослужащих, то отсюда вероятный вывод: неизвестный, инициалы которого «В. Р.», погиб в ожидании пересадки с поезда на поезд, возвращаясь из отпуска в часть.

— Почему же в ожидании пересадки?

— Да потому, что если бы он ехал прямо из Жевинска, где нашлись любящие руки, которые вышили монограммы, то, наверное, нашлись бы и не ленивые ноги, которые проводили бы его на вокзал и, конечно, дождались бы отхода поезда.

— Чёрт! Как это всё просто и... сложно,— с чувством уважения вздохнул комендант и вышел за Сидоренко на перрон.

Скрежеща тормозами, остановился поезд. Пассажиры вышли из вагонов.

У противоположного перрона стоял пустой, чистенький и такой же классный состав. Помощник коменданта в красной фуражке объяснял пассажирам одно и то же:

— ...Да, да, — этот самый. Да, без санобработки никого не посадим... А что такое? Стоянка всё равно час! Вполне успеете... Вам-то что, это нам хлопоты, а вам — помылся да и пересел в чистый вагон... Хорошо, хорошо — напомним там... Что?.. Отметку документов и посадочные талоны будем делать и выдавать прямо в санпропускнике. Да вот он — десять метров отсюда... Ну, вот и прекрасно, не задерживайтесь, товарищи...

Выяснив, что, кроме душа, им никаких хлопот не предстоит, а душ — это в конце концов только приятная процедура, люди весело, наперегонки направились в санпропускник, сетуя на беспокойство только так — «для проформы». Но при выходе из душа образовалась небольшая задержка у стола коменданта, который вместе с помощником тут же делал проверку документов и выдавал «места» на другой поезд.

— Вот уж не было печали... Товарищи офицеры! Хотя бы из вас кто-нибудь помог! — воскликнул комендант.

— Пожалуйста, давайте я! — весело и охотно отозвался из очереди Сидоренко и быстро занял место за столиком. — Да я... господа: пять лет сам комендантом был... студенческого общежития, — подмигнул он ожидающим, вызывая смех. — Так, кто тут первый — давайте!.. Ага — в этот журнал? Ясно!.. А потом вам передавать?.. Готово, прошу вас! — передал он коменданту документы какого-то подполковника.

Очередь зашевелилась, пошла, коменданты и Сидоренко-регистратор работали в шесть рук.

— Следующий! Готово, прошу вас, товарищ майор... Прошу вас... Пожалуйста... Прошу вас, — приговаривал Сидоренко, передавая коменданту документы. И услышав «пожалуйста», комендант и помощник незаметно делали так, что место по соседству вручалось одному из подготовленных офицеров, который выходил следом за тем, документы которого сопровождались возгласом Сидоренко «пожалуйста».

Таких, правда, оказалось, немного, и все они, как и многие другие, попали в разные вагоны, так что присутствие нового пассажира не могло удивить никого из прежних спутников.

А когда к столу коменданта подошёл высокий капитан с узким лбом и гладко зачёсанными набок волосами, тот, у которого в душевой Сидоренко заметил морскую татуировку на плече и груди, следовательно под столом наступил на ногу коменданту.

— Когда снимались? — вдруг спросил комендант, взглянув на карточку и на владельца удостоверения.

— Давно... Еще лейтенантом был. Там видно, — спокойно ответил капитан.

Сидоренко, как бы любопытствуя, заглянул через плечо коменданта на карточку, потом — на капитана.

— Да, не красит война людей. Похудел, один нос да волосы остались такие же, — улыбнулся Сидоренко.

— Кабы такие же, а то вон... — капитан, смеясь, выразительно похлопал себя левой рукой по макушке.

— Следующий! — вдруг сердито и строго выкликнул комендант и протянул капитану документ.

Поезд пришёл в Берлин вечером. Сидоренко весь был поглощён заботой — не упустить из виду своего поднадзорного. «Капитан» вышел на перрон одним из первых, вмешался в самую гущу пассажиров и быстро направился к вы-

ходу. Разыскивая по карманам документы, кто-то загородил собой выход именно тогда, когда высокий «капитан» уже миновал проверяющего. Сидоренко стало уж не до Зотова, который должен находиться на перроне, но почему-то не встретил майора. Извиняясь налево и направо, следователь протиснулся к выходу и проскочил в зал в тот момент, когда «капитан» выходил из него с противоположной стороны. Привязав себя к нему незримой, но прочной нитью внимания, Сидоренко проследовал за «капитаном» по всем лестницам, залам, переходам и вышел на площадь.

Тут «капитан» остановился, закурил, мельком осмотрелся и деловито зашагал влево. Сидоренко — за ним, насторожённо, готовый каждую секунду замереть в тени или с безразличным видом свернуть за угол. Зотов так и не встретился.

«Куда он мог деться?» — подумал Сидоренко. Но обрадованный тем, что «капитан» не предпринял попытки воспользоваться трамваем или машиной, вернул всё внимание к поднадзорному и его маршруту. «Капитан» быстро шёл, не обращая внимания на прохожих и уверенно сворачивая с одной улицы на другую. Угловые дома, как правило, были разбиты, и Сидоренко не находил названий улиц. Улицы почти не освещались.

Наконец на одном доме следователю удалось увидеть белую таблицу, на которой чужим готическим шрифтом было написано: «Кепеникштрассе», а внизу размашисто, по-русски: «Разминировано. Васильев», и на следующем доме, опять той же рукой, но латинским шриф-

том: «Форзихт! Но шпилен, киндер, — гефар!» — «Осторожно! Не играйте, дети, — опасно!» — от этого угловатого предупреждения на Сидоренко повеяло родной русской сердечностью.

Дойдя до перекрёстка трамвайных линий, «капитан» стал снова на ходу закуривать, зажигая спички одну за другой. Сидоренко поровнялся с каким-то мужчиной в реглане и потрёпанной шляпе, который внимательно считал вспышки спичек. Незвестный чуть выждал и пошёл следом за Сидоренко. Очутившись между ними, Сидоренко насторожился ещё больше.

Улица была пустынной. Сидоренко услышал приближение шагов позади и, вынув из кармана какую-то бумажку, быстро сошёл на дорогу и остановился, рассматривая стену дома, как бы разыскивая по адресу нужный номер. Мужчина в реглане прошагал мимо. Вертя в руках бумажку, Сидоренко перешёл на другую сторону улицы.

У раздвоения улицы неизвестный догнал «капитана», и Сидоренко увидел, что тот на ходу передал догнавшему какую-то вещь. Взяв её, неизвестный повернул вправо, к набережной Шпрее, а «капитан» свернул влево, на Альте Якобштрассе.

Сидоренко на секунду приостановился. Мысль работала с лихорадочной быстротой; надо было немедленно решить, за кем следовать. У самого финиша дороги разошлись, и одна из них неминуемо приведёт к проигрышу всего дела — это было ясно. Стиснув зубы, Сидоренко мучительно напрягал волю и ум, чтобы принять правильное решение. В этот

момент мимо него мягко, почти бесшумно, проскользнул чёрный лимузин с потушенными фарами и на большой скорости ушёл вдогонку мужчине в реглане. В вечерней тишине до Сидоренко донёсся резкий скрип тормоза. «Всё, за тем идти уже бесполезно — сел в машину», — констатировал Сидоренко и решительно направился за «капитаном», спокойно шагавшим метрах в шестидесяти впереди следователя. «Понадеялся я на этого Зотова, чёрт возьми!» — выругался мысленно Сидоренко, убыстряя шаги.

— Вы напрасно идёте за мной, майор! — «капитан» неожиданно обернулся и, прежде чем Сидоренко успел проскочить те несколько шагов, которые разделяли их, юркнул в тёмный подъезд, пустого дома. Сидоренко выхватил из кармана пистолет и, пригнувшись, бросился за «капитаном». Тот, видимо, не ожидал от преследователя такой уловки, — нацеленный в голову Сидоренко удар не достиг цели. Что-то тяжёлое с силой ударило сверху вниз в косяк двери и рикошетом скользнуло дальше. Сидоренко почувствовал, как спина прогнулась под силой удара, и ткнулся лицом в холодные пыльные кафельные плиты пола.

Упав, он услышал рядом с собой топот, возню, вскрик и как-то медлительно и равнодушно подивился тому, что борьба в тёмном подъезде продолжается...

Очнулся Сидоренко на диване в кабинете районного военного коменданта. Осмотрелся: залитая сильным, но мягким светом хорошо обставленная комната, у дивана — столик

с лекарствами и шприцем, рядом с ним — мужчина в белом халате, незнакомый подполковник, несколько офицеров. Их заслонило склонившееся над следователем лицо Зотова. Оно выражало тревогу и волнение. Заметив, что Сидоренко открыл глаза, лейтенант радостно и виновато улыбнулся:

— Отлегло. Вы уж простите меня, Николай Иванович, что так получилось... Ведь это я вас ударил.

— Вы?! — изумился Сидоренко и, приподнявшись на локтях, с радостным удивлением уставился в приоткрытую дверь: за ней, в другой комнате, виднелись «капитан» и неизвестный в реглане — злобно-угрюмые под надзором автоматчиков. — Зотов! Голубчик! Пойдите, да как же это?.. Говорите же, ну! — воспрянул духом Сидоренко.

— Да что говорить-то... Виноват, Николай Иванович...

— Ложитесь, ложитесь, — засуетился врач.

— Какого чёрта вы из меня больного делаете, дорогой эскулап! Честное слово, я абсолютно здоров, — весело взбунтовался Сидоренко. — Докладывайте, Зотов!

— В общем опоздал я маленько, товарищ майор. Подъезжаю к вокзалу, а вы уже на встречу идёте. Ну я и решил: не отвлекая вас, следовать за вами, — так и ехал. Ну, и видел всё. А когда эти господа разошлись, я машину с людьми послал за тем, а сам выпрыгнул, и — за вами... В подъезде и ударил вас сапогом в висок. Темно уж там очень было, — виновато вздохнул Зотов...

Через час, имея на борту следователя, Зотова, автоматчиков и арестованных, самолёт вылетел в обратный рейс.

В кабинете прокурора Сидоренко коротко доложил о своём прибытии и результатах проведённой операции, хотя и знал, что они уже известны прокурору из телеграммы, посланной из Берлина.

— Отлично, — с удовольствием комментировал полковник Белый. — Подробно вы мне доложите потом, когда отдохнёте. А... — он посмотрел на часы, — через тридцать пять минут явитесь к командующему.

— Я? — удивился Сидоренко.

— Да, вы. Пропуск вам уже выписан — окно номер семь.

Сидоренко провёл тыльной стороной ладони по щеке, оглядел свой костюм и растерянно развёл руками.

— Ничего, ничего, побриться успеете. Командующий знает, что вы не с парада явились, — улыбнулся полковник.

— Разрешите идти, товарищ полковник?!

У командующего, помимо нескольких генералов и полковников, находился высокий плечистый блондин лет пятидесяти, в тёмном гражданском костюме.

Пока Сидоренко докладывал о себе командующему, он с вежливым любопытством разглядывал сильную, перетянутую ремнём фигуру следователя, его усталое, спокойно-строгое лицо. Командующий, заметив это, сделал обычный в таких случаях жест: знакомьтесь.

— Ильинский, — приветливо представился мужчина и пожал руку майора, так и не узнав в нём своего бывшего студента.

Ильинский сел рядом с командующим и стал листать толстую ученическую тетрадь в клеёночато переплёте, изъятую у господина в реглане.

— Так что же, господа, ни диверсии, ни убийства не помогли вам — не вышло дело? — спросил командующий арестованных, которые стояли в углу кабинета.

Прилизанный «капитан» съёжился. Злорадно заговорил:

— Рано торжествуете, господин большевистский командующий! Тетрадь-то вы вернули, но микроплёнки с фотоснимками каждой её страницы я всё же сумел переслать нашим людям. С шестнадцати лет я ежедневно рисковал своей головой, а теперь, вырвав у вас этот секрет, я удовлетворён. За полгода двадцать шесть моих предшественников сломали головы на этом деле, не достигнув ничего. А я довёл его до конца!

В кабинете командующего повисла тяжёлая тишина. Каждый из присутствовавших здесь советских людей почувствовал себя так, будто голыми руками прикоснулся к чему-то бесконечно омерзительному, неопишимо грязному и страшному, как чёрная оспа.

Вдруг наступившую тяжёлую паузу нарушили звуки всхлипывания. Все обернулись на них и увидели трясущиеся плечи Ильинского, склонившегося к столу.

— Возьмите себя в руки, товарищ Ильинский, — недовольно покосившись на учёного,

строго сказал командующий. — Много чести для этих мерзавцев — быть свидетелями ваших слёз.

— Извините, товарищ командующий! Я не плачу, — Ильинский поднял лицо, сдерживаясь и покусывая губы. — Это, может быть, неуместно, но... я представил себе выражение лиц зарубежных государственных деятелей, читающих расшифрованный текст тетради. Дело в том, товарищи, что инженер Златогорский не занёс в тетрадь ни единого слова о нашей работе, а просто, тренируясь в письме шифром, переписывал в неё речь товарища Вышинского на заседании Совета Безопасности.

Отпустив всех, командующий задержал лишь Сидоренко.

— Я вызвал вас, чтобы лично поблагодарить. Сделанное вами, товарищ гвардии майор, заслуживает большего, но пока примите от меня вот эту тетрадь. Пусть она будет постоянно напоминать вам о величайшей бдительности коммуниста, который и после смерти не дал в руки врага ни одной своей светлой мысли. Храните её.
